

ISSN 2310-8673

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Социодинамика

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
porov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Философская мысль". Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Епифанцев Сергей Николаевич- доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАЕН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры социологии и политологии, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, kalibri0304@yandex.ru

Кодин Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного социального университета. 129226. Россия, г. Москва, Вильгельма Пика ул., 4, корпус 1.

Шилкина Наталья Егоровна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный

университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культур, профессор, РГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070 Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики

и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, профессор. 7. 346428 г. Новочеркасск Ростовской обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Мерзликин Николай Васильевич — кандидат философских наук, заведующий сектором социологического анализа политических процессов Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6,

корпус 1.

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственной университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доктор социологических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: semenovrad@mail.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул. Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, earinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, Санкт-Петербург, Средний

проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет" , Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Editorial collegium

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Philosophical Thought". Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Tatyana Nikolaevna Kameneva – Doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Professor of the Department of Sociology and Political Science, 33 Radishcheva str., Kursk, 305000, kalibri0304@yandex.ru

Mikhail Ivanovich Kodin — Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation of the Russian State Social University. 129226. Russia, Moscow, Wilhelma Peak str., 4, building 1.

Shilkina Natalia Egorovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State

University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miuskaya Square, 6.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070 Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61. Popov.eug@yandex.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy; M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Professor. 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa **P.** Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48, alpril@mail.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, 410054 Saratov, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Merzlikin Nikolay Vasilyevich — Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociological Analysis of Political Processes at the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russia.

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications Russia, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17/11, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: semenovrad@mail.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadiyevna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz nadezhda-blejikh@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Zotov Vitaly Vladimirovich - Doctor of Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical

University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadievna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С. Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия	1
Незнанова В.С., Третьякова М.О. Влияние воцерковленности на социально- политическое сознание россиян	11
Копалиани В.З. Политика, публичность и социальные движения в работах Ю.Хабермаса и П. Бурдьё	22
Полубояринов А.Р. Идеология в социальном пространстве: характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё	35
Попандопуло О.А. Профессиональная ориентация молодых людей как фактор эффективного развития рынка труда	44
Громакова В.Г. Институциональная трансформация общества в свете социосинергетической парадигмы	54
Англоязычные метаданные	71

Contents

Leontyev G.D., Leontieva L.S. Digital Techno-Democracy as a Post-non-Classical Praktopia	1
Neznanova V.S., Tret'yakova M.O. The influence of Church membership on the socio- political consciousness of Russians	11
Kopaliani V. Politics, publicity and social movements in the works of J. Habermas and P. Bourdieu	22
Poluboyarinov A.R. Ideology in Social Space: Characteristics of the Structure of the Ideological Field Based on the Social Theory of Pierre Bourdieu	35
Popandopulo O. Professional orientation of young people as a factor of effective development of the labor market	44
Gromakova V.G. Institutional transformation of society in the light of the sociosynergetic paradigm	54
Metadata in english	71

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Леонтьев Г.Д., Леонтьева Л.С. — Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40407 EDN: NBPEDE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40407

Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия

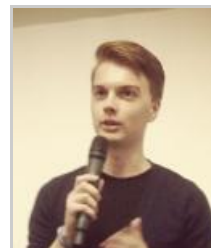
Леонтьев Глеб Дмитриевич

кандидат философских наук

доцент, кафедра общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 35

✉ leontyeval@icloud.com

Леонтьева Людмила Станиславовна

кандидат философских наук

доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

✉ ls13@yandex.ru

[Статья из рубрики "Гуманитарные проекты"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.40407

EDN:

NBPEDE

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2023

Дата публикации:

11-04-2023

Аннотация: Анализ цифровых, социально-технологических проектов будущего осуществлен в контексте постнеклассического утопического дискурса на основе системного подхода, концепций информационного общества, динамической теории информации, идей К. Поппера о социальной инженерии. С целью выявления социальных эффектов современных IT инноваций рассматривается актуальная ситуация с универсальным ChatGPT. Утверждается, что технологии не обладают автономным моральным статусом, это проекция человека на мир. Их этическая нагруженность, также как функционал и рамки самоорганизации задаются извне. Искусственный интеллект –

это технология симулятивного воспроизведения человеческой реальности, включающей паттерны социальных девиаций. Значит, не столько виртуальный мир, сколько актуальная действительность нуждается в очеловечивающей корректировке. Информационно – технологические, коммуникативные механизмы преодоления социальных несовершенств прослеживаются в концептуально преемственных проектах «холотехнодемократии» М. Бунге, «информационной демократии» М. Рокара, в проектах цифровой, облачной, электронной демократии. Выявлено, что моделирование идеального цифрового будущего базируется на процедурном подходе, охарактеризованном авторами статьи в терминологии К. Поппера как «piecemeal» – метод, то есть «социальная инженерия частных решений». Поэтому цифровые техно-демократии определены как разновидность современной практопии, которая эволюционно и перманентно формирует альтернативную социальную реальность на основе информационно – коммуникационных технологий и социально – сетевой самоорганизации человека и нейросетей.

Ключевые слова:

виртуальная реальность, технология, искусственный интеллект, цифровая демократия, техно-утопия, практопия, информация, самоорганизация, этика, социальная инженерия

Поиск путей достижения гармоничного общественного устройства – это перманентно востребованный, исторически пролонгированный процесс. Историческая логика развития утопического дискурса соответствует формам социального идеала в традиционном, индустриальном, информационном обществах: доклассические утопии, классические и современные «трансформирующиеся» утопии. Современный утопический дискурс представлен трансформирующимися, неклассическими моно-, мета-утопиями и постнеклассическими, которые не претендуют на общечеловеческий статус, но базируются на практико-ориентированном, индивидуально-психологическом подходе (классификация И. В. Фроловой). Конкретика социально-оптимального конструкта будущего обусловлена как политическими условиями [\[1\]](#), так и научно-техническим развитием. В соответствии с периодизацией промышленных революций К. Шваба [\[2\]](#), основными актуальными трендами третьего и четвертого этапа являются электроника, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация и конвергенция технологий. Технологии Hi-Tech, обретая качество имманентности для социума, порождают как техно-пессимизм или технологический алармизм, так и технологический эвдемонизм, т. е. оптимистические надежды. Поляризация мнений свидетельствует о радикальном и противоречивом характере новой «техно-цифровой реальности», о диалектике свободы и отчуждения в онлайн-пространстве [\[2\]](#), о новых технологиях социального контроля и публичного дискурса, о социальном активизме и сетевом эскапизме (например, хикикомори). Поэтому современное видение идеального будущего тесно связано с цифровыми техно-утопиями – моделями всеобщего «оцифрованного благополучия» [\[4\]](#) и экзистенциальной изоляции [\[5\]](#), содержание которых обусловлено уровнем развития информационно-коммуникационных технологий. Если, например, для сообщества соляриев в утопическом проекте «Город Солнца» Т. Кампанеллы храмовое место и обитель Солнца – это небо, реальное пространство над поверхностью Земли, то для современного пользователя компьютерных сетей – это «облако» (публичное, приватное, гибридное), т.е. серверные мощности, которые сдаются в аренду. Благодаря использованию облачной инфраструктуры создаются не только хранилища актуальной

информации, но и площадки для коммуницирования, места обитания для неограниченного круга лиц, формируется виртуальная вселенная с новаторской функцией «метамобильности» между мирами, которая реализуется в роботизированном обществе будущего, благодаря искусственному интеллекту (Artificial intelligence, AI). Философ, футуролог Джарон Ланье, автор термина «виртуальная реальность» (1989) определял VR (Virtual reality) феномен как «пост-символическое общение», позволяющее «непосредственно воссоздавать то, что испытываешь, вместо того, чтобы косвенно выражать все через символы» [6]. Если VR генерирует «осознанные сны наяву», то AR-приложение или «дополненная реальность» (Augmented reality) предлагает опыт расширенного восприятия реальной действительности, в которой присутствуют смоделированные слои и объекты. Применение к AR/VR искусственного интеллекта (AI) дает новый импульс созданию масштабируемых, иммерсивных миров за счет использования аналитического потенциала AI при работе с большими объемами данных и при генерировании идей. Например, цифровой офис, цифровые профили граждан, голосовые помощники, визуализация баз данных [7]. IT-инновации позволяют не только собирать, анализировать поведенческие данные пользователей, но и задавать поведенческие паттерны, влиять на жизненные стратегии индивида. Доступ к многообразию информационных потоков оборачивается сужением выбора информации за счет поисковых алгоритмов системы и, сформированных при помощи самого пользователя, комфортных «информационных пузырей» (filter bubble). По мнению немецкого философа Маркуса Габриэля, пандемия COVID-19 подтолкнула мир к «новому тоталитаризму», критериальная черта которого – утрата различия между публичной и частной сферой [8], смещение границ приватности за счет цифрового следа (информация, выкладываемая самим пользователем) и цифровой тени (информация, созданная автоматически). Следующий шаг по пути инноваций – общедоступность AI, которая становится реальностью после представления универсального ChatGPT, в ноябре 2022 года компанией OpenAI и, прогнозируемого перехода «от дата-центризма цифрового правительства к интеллект-центризму нейроцифрового государственного управления», вследствие развития сети Нейронет [9]. Объекты VR обретают, по Ж. Бодрийяру, «вирулентность», вирусный характер распространения. Это означает, что «мы имеем дело уже не со старым добрым философским виртуальным, которое стремилось превратиться в актуальное и находилось с ним в диалектических отношениях. Теперь виртуальное есть то, что идет на смену реальному и знаменует собой его окончательное разрушение» [10, с. 20]. Вирулентность виртуальных объектов создает иллюзию собственной реальности, изменяя, тем самым, структуру реального социального мира. Как следствие, позитивные социальные ожидания заменяются алармистскими. Если до анонсирования GPT-4 от OpenAI (14.03.2023) озабоченность работой нейросети выражало только медиа-сообщество в связи с авторскими правами и политической ангажированностью AI, то на «скилы» новой мультимодальной версии отреагировали сами разработчики, ученые и технологи, призвавшие 22 марта 2023 г. к полугодовому мораторию на «обучение систем AI более мощных, чем GPT-4» [11]. Эксперты видят угрозу в демонстрации чат-ботом «показателей человеческого уровня», а именно: стремление к власти, тенденцию произвольно продуцировать факты, умножать объем недостоверной информации, осуществлять фишинговые атаки. Воистину, по Ф. Ницше: «Человеческое, слишком человеческое». Человек – субъект научного творчества и последующего внедрения результатов, именно к нему бумерангом возвращаются его не гуманистические интенции. Виртуальные миры не существуют вне и независимо от человеческого сознания. Технические системы эволюционируют вместе с обществом в процессе взаимной адаптации. «Ошибка полагать, – пишет проф. Маркус Габриэль, – что

научно-технический прогресс сам по себе имеет какую-либо освободительную ценность, которая делает мир лучше» [8]. «Сам по себе» прогресс науки и техники – это наличные и потенциальные возможности, конкурентные преимущества, а неспособность человека их адекватно использовать, своевременно просчитать негативные сценарии воспринимается как утрата контроля и обуславливает смещение этического акцента с человека на артефакты. Положение об этической нейтральности техники и технологий вызывает опасение многих исследователей и рассматривается, например, как «эвфемизм, призванный замаскировать систему ценностей технократии» [12, с.29]. Однако автор термина «философия техники» Эрнст Капп еще сто лет назад рассматривал технику с позиций «органопроекции»: «Человек в орудии всегда лишь воспроизводит самого себя» [13, с. 98], переносит вовне свой внутренний мир. Орган порождает функцию и не мыслится вне нее, следовательно, органопроекции расширяют человеческий функционал в контексте актуальных социокультурных, нравственно-политических ценностей сообщества. Техника как опредмечивание навыков, знаний, опыта и Технология как системная совокупность методов, операций, процедур, оргпроцессов есть «инобытие» человеческой рациональности. Значит, автономным моральным статусом техника и технологии не обладают, но их функционирование обуславливает этический дискурс. Это объясняется техно-включенностью в причинные связи и структуры социально значимых событий. Технология, также как техника – это проекция человека на мир. Базис первоначальных ценностей AI и рамки саморегуляции закладывает разработчик. Нейросеть обучается, анализируя поведение пользователей. Виртуальная инфраструктура предоставляет удобные опции и услуги, но их содержание, направление использования определяют люди – управляющие субъекты, креаторы и сами пользователи. AR/VR, многозадачные GPT – результат человеческих интенций и креативного акта сознания, а слишком «человеческий уровень» AI есть симулятивное воспроизведение человеческой реальности со всеми ее девиациями. Парадоксальным образом, ограждать следует не столько людей от инфовлияния ChatGPT, сколько саму нейросеть от прагматики человеческих инфо-манипуляций, т.е. общество от самого себя. Обучение и самообучение AI по образцу «социального идеала» теоретически возможно в замкнутом, информационном пространстве самоактуализированных личностей, в социальном сообществе на вершине пирамиды А. Маслоу. В информационном хаосе реального мира организация самоорганизации AI – это программирование способности к обработке новых, входящих данных на основе ранее изученных, и не всегда идеальных паттернов или на основе искусственных нейронных сетей. Поэтому, утверждает профессор информатики Майкл Литтман, системы «могут быть построены на результатах предвзятых данных или даже вопиющей дискриминации» [14]. При этом, уповать на просвещенческие идеалы и метанарративы модерна в надежде на формирование всесторонней, гармонично развитой личности в масштабах всего человечества – значит, возвращаться к классике социальных мега-утопий. «Цифровые технологии, – по образному сравнению проф. кафедры бизнес-информатики Б. Б. Славина, – как роликовые коньки, которые позволяют бежать быстрее и дальше», но больной человек на них разобьется, его надо сначала вылечить [15], т. е. востребованы социально-терапевтические процедуры. Поэтому, учитывая несовершенство сущего мира и политико-управленческую иерархию, подписанты открытого письма за приостановку экспериментов с AI предлагают конкретный механизм оптимизации на основе взаимной деятельности разработчиков AI и представителей власти. По информации Future of Life Institute, за полмесяца (на 8.04.2023) собрано более 50 тыс. подписей, из них 18 тыс. уже прошли процедуру прямой, независимой проверки, что свидетельствует о высоком спросе на артикуляцию данной позиции. Основные направления перспективного

взаимодействия экспертного сообщества с политиками и госуправленцами – это 1) создание: регулирующих органов по вопросам AI, системы верификации и маркировки искусственно сгенерированного контента, экосистемы аудита и сертификации AI; 2) установление надзора и ответственности: за работой высокопроизводительных систем AI, «утечкой моделей», за вред, причиненный AI; 3) разработка механизмов: государственного финансирования исследований безопасности AI и ресурсообеспеченности институтов для преодоления политико-экономических последствий внедрения AI [\[10\]](#). С позиций социально должного, возрастающие риски непрогнозируемых эффектов IT-инноваций обуславливают корректировку задач во взаимодействии общества, научного сообщества и власти, а именно: переход от антикризисного реагирования и первоначального акцента на предупреждение последствий к «формированию технологии» в соответствии с социальными ценностями [\[16\]](#). Конечно, вследствие различий в ценностях могут сформироваться разные технологические умения и навыки. Но в данном аксиологическом контексте сущность социальных ценностей априори человеко-ориентированная, этика служит инструментарием ответственных инноваций, а социальная оценка технологий (Technology Assessment), по определению проф. А. Грунвальд и В. Г. Горохова – разновидностью научно-политического консультирования. «“Война с наукой” должна прекратиться. Все политические и бюджетные решения должны подкрепляться наукой и опытом» [\[17, с. 3\]](#), – утверждает в докладе Генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня». Совместные социальные действия, как стимулирующие «общий, эмпирически выверенный консенсус в отношении фактов, научных выкладок и знаний» [\[17, с. 3\]](#), так и направленные на технологические ограничения известны в истории науки, представлены как общественными организациями (Пагуошское движение ученых, комиссии ООН), так и отдельными учеными (академики П. Л. Капица, А. Д. Сахаров), как декларациями-предупреждениями о социальных рисках («Рассела – Эйнштейна» 1955 г., «Заметки к манифесту неолуддитов» Челлис Глендиннинг 1990 г., доклад ООН 2021 г. О введении глобального моратория на передачу технологий слежки и наблюдения), так и конструктивными проектами «радикально инновационного способа совместного существования человечества» [\[8\]](#): информационная, облачная, электронная, цифровая демократия.

Постнеклассическое видение идеального будущего связано с техническими изменениями среды обитания человека, с эффектами сетевых IT и универсального AI. Признание системообразующего статуса информации и онлайн-коммуникаций составляет основу цифровых техно-утопий. В соответствии с динамической теорией информации Д. С. Чернавского, определение базового понятия предполагает акцент на самоорганизации социальных субъектов и альтернативности: «информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [\[18, с. 6\]](#). Субъект, зафиксировавший индивидуально выбранную информацию, способен воздействовать на конфигурацию всей социальной системы, благодаря феномену «convivialite» («общедоступная общительность») Данный термин принадлежит французскому исследователю Ж. Д

[\[19\]](#). Участие в информационном обмене предполагает образование новых смыслов через взаимное понимание и консенсус. Возможность общественного дискурса и согласия повышает уровень осознанности и комфортности социального бытия. Поэтому японский исследователь И. Масуда в 1980-е гг. определил будущее «обществом согласия» и изобилия [\[20, с. 29\]](#). По предположению японского футуролога, социальная структура

грядущего общества представлена небольшим аппаратом управления, формирующимся в соответствии с аудитом функций и равноправными сообществами «homo intelligens», которые взаимодействуют без конфликтов на основе доминирования социокультурных ценностей. На позитивные социальные эффекты развития научного познания, социотехнологий и непрерывного образования (lifelong learning) возлагают надежды и представители «холотехнодемократии» или интегральной технодемократии. По мнению философа М. Бунге, структура будущего общества базируется на эгалитарности и меритократии, т. е. на «квалифицированном равенстве» [21, с. 48], которое формируется в процессе интеграции следующих принципов общественного устройства: от каждого по способностям, каждому по труду (П.- Ж. Прудон); каждый человек имеет выгоду от допустимых неравенств в базисной структуре (Дж. Ролз); законное владение плодами своего труда (Дж. Локк). Государство является нейтральным посредником, а граждане осуществляют просвещенное, «информационное правление» с использованием социотехнологий, научного, экспертного знания и можно предположить, учитывая современный IT-контекст - на интернет-платформах с технологиями Open Source. Ученый допускает, что данная модель социального устройства является утопией, но это та устремленность в будущее, к которой следует стремиться. Востребованность техно-моделей идеального социального будущего подтверждается дальнейшим развитием идей интегральной технодемократии М. Бунге в концепциях «информационной демократии» М. Рокара, в электорально-информационных проектах облачной, сетевой, цифровой, виртуальной демократии. Данные проекты будущего предполагают, что избирательное право и свободная информация – идеи, ориентированные на снятие цензов и осознанное участие, а электронные средства коммуникации – технологии, формирующие «виртуальную идентичность электората» [22]. Электоральность – это сущностно информационный процесс, поскольку наличие альтернативы и ситуация «запомненного выбора», как следует из определения Д. С. Чернавского, и есть информация. Информационные потребности и общественно-политический активизм мотивируют пользователей на дискурсивные практики в сетевом пространстве, на освоение новых коммуникационных платформ, площадок и технологий. Если М. Рокар акцентирует внимание на обеспечении циркуляции свободной медиа-информации, на осознанности гражданского поведения [23], то проекты e-демокрасу представляют собой конкретный процессуально-процедурный механизм, обеспечивающий эту свободу на основе сетевых IT. К элементам процедурного механизма относятся: степень добровольной открытости политика; доверие, зависящее от качества исполнения полномочий; механизм делегирования. Конечно, предвыборные кампании – это конкуренция профессиональных политтехнологов, но электоральная онлайн-конструкция в идеале призвана повысить компетентность избирателей, честность политиков, устойчивость социальной системы за счет частоты онлайн-замеров ее состояния. Адаптируя сетевые инновации, как технологические, так и активистские, e-демокрасу способна продуцировать идеи-импульсы к развитию социальной системы, но реализация этих идей возможна только при наличии институализированного механизма реакции на результаты замеров, инициатив и контроля.

С социально-философской точки зрения, проекты цифровых техно-демократий можно рассматривать как утверждение взаимодополнительности концептов «идеальное состояние человека» (Т. Мор) и «идеальный гражданин Государства» (Т. Кампанелла), как попытку объединения принципов «утопий свободы» и «утопий порядка», как диалектику взаимосвязи управления и самоуправления. В ракурсе утопического дискурса и социальных технологий, e-демокрасу – это, по Э. Блоху и Ю. Хабермасу, «реалистическая утопия» [24], разновидность трансформирующихся постнеклассических

утопий, которые ориентируются не на мега-проектирование, чреватое социальными катаклизмами и непредсказуемыми результатами, а на достижение идеального социального состояния посредством перманентных «частных улучшений». Сущность онлайн-технологии социальных преобразований можно определить в терминологии К. Поппера как «социальную инженерию частных (piecemeal) решений» [25, с. 30], т. е. как практопию. Термин «практопия» был введен в научный оборот Э. Тоффлером для определения специфики «третьей волны» «истинно человеческой цивилизации» [26, с. 16]. Будущее в практопии более благоприятно для человека, чем мир нынешний, но при этом признается наличие отдельных несовершенств, их постепенное преодоление и необратимое социальное преобразование. «Изменения сегодняшнего дня, - пишет Э. Тоффлер, ...дают направление на жизнеспособную контрцивилизацию, ... дают направление на практопию» [26, с. 246].

Теоретический анализ техно-цифровых проектов будущего позволяет сделать следующие выводы: 1) технологии не обладают автономным моральным статусом, это проекция человека на мир: массивы данных, алгоритмы обучения нейросети есть воспроизведение человеческой реальности, также как поведение пользователя в иммерсивных мирах. Поэтому в системе «человек – технологии» востребовано совершенствование мира самого человека через нормативы взаимодействий с AI, выработку методик социальной оценки технологий общественно-государственными регуляторами; 2) информационные, постнеклассические модели идеального будущего базируются на социотехнологическом подходе и процедурном методе, который определен как «социальная инженерия частных решений» (К. Поппер); 3) модели техно-цифровой демократии отнесены к разновидности практопий, использующих «piecemeal»-метод для модернизации системной целостности. Таким образом, социотехнологический, процедурный метод частных улучшений – это метод вхождения в практопическое будущее на основе инфотехнологий, социально-сетевой самоорганизации человека и нейросетей, а цифровые техно-демократии – это «реалистические утопии», которые фрагментарно, но перманентно и эволюционно формируют альтернативную «новую реальность» – единый онлайн-офлайн континуум.

Библиография

1. Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л. С. Праксеология социальной утопии: протест-проект-практика // Социодинамика. 2020. № 2. С. 64-73. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.2.30089 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30089
2. Schwab, Klaus. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab. – Random House (USA), 2017. 192 p.
3. Safina, A. M., Leontyev, G. D. et al. Dialectics of freedom and alienation in the space of the internet / A. M. Safina, G. D. Leontyev, L. F. Gaynullina, L. S. Leontieva, T. V. Khalilova // Revista ESPACIOS (ISSN 0798 1015-Venezuela-Scopus). Vol. 39 (№27) Year 2018. Page 8. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n27/18392708.html>
4. Халуторных О. Н., Егорова Е. А. Цифровая утопия в современном обществе: социально-философский аспект // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2022. № 2 (94). – DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-771
5. Куземина Е.Ф., Пашкова Н.В. Утопия как форма экзистенциальной изоляции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 45-49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>.
6. Ланье Джарон: Как нужно переделать интернет.-URL: <https://www.topspeaker.ru/articles/media/dzharon-lane-kak-nuzhno-peredelat-internet/>
7. Косоруков А.А. Технологии дополненной реальности в сфере государственного

- управления // Социодинамика. 2020. № 1. С. 1-11. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.1.31949 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31949
8. Markus Gabriel. Philosopher says digitalization leading to new totalitarianism // The Asahi Shimbun. September 17, 2020. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13721770>
 9. Косоруков А. А. Перспективные технологические решения в сфере построения нейроцифрового государственного управления // Социодинамика. 2021. № 6. С. 53-66. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.35675 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35675
 10. Бодрийар Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
 11. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. March 22, 2023. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>
 12. Миронов А.В. Наука, техника и технологии: техноэтический аспект // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2006. № 1. С.26-41
 13. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Г. Кунов, Л. Нуаре, А. Эспинас.-Л.: Прибой, 1925. С. 96-129
 14. Wat's the Most Dangerous Emerging Technology? 21.02.2022.-URL: <https://gizmodo.com/whats-the-most-dangerous-emerging-technology-1847957403>
 15. Славин Б. Б. Когда цифровая демократия не работает // Ведомости. 2.11.2019.-URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/11/12/815993-tsifrovaya-demokratiya>
 16. Горохов В. Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. 2011. № 5. – С. 135-145.
 17. Наша общая повестка дня. – Доклад Генерального секретаря ООН. – New York, Изд-е ООН, 2021. 85 с.
 18. Чернавский, Д. С. Синергетика и информация: динамическая теория информации/ Д. С. Чернавский. – М.: Наука, 2001. 244 с.
 19. Jean d'Arcy. Direct broadcast satellites and the right to communicate // Right to communicate: collected papers / edited by L.S. Harms, Jim Richstad, and Kathleen A. Kie: University of Hawaii Press, Honolulu, 1977, 229 p.
 20. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Wash.: World Future Soc., 1983. 419 p.
 21. Бунге, М. Холотехнодемократия: альтернатива капитализму и социализму/ М. Бунге // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 42 – 46.
 22. Гигаури Д. И. Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. № 11. С. 1-21. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.11.36962 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36962
 23. Рокар, М. Трудиться с душой / М. Рокар; Пер. В. Коломийцева, В. Чернеги, В. Николаева. – М.: Международные отношения, 1990. 344 с.
 24. Цит. Блох Э. по: Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека// Вопросы философии. 2012. №2. С. 66-80
 25. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского.-М.: Феникс, 1992. 448с.
 26. Тоффлер, Э. Третья волна. Пер.: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Микиша, Е. Руднева, Н.

Хмелик / Э. Тоффлер. – М.: Изд. АСТ, 2004. 261 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая работа посвящена актуальной современной тематике, носящей концептуальный характер и анализируемой с разных точек зрения исследователями из различных научных направлений. Электронная демократия – это форма демократии, которая характеризуется активным использованием информационно – коммуникационных технологий как основного средства для коллективных мыслительных и административных процессов на всех уровнях, начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным. В основе представления об эффективности э-демократии лежат как теоретические исследования, так и экспериментальные данные, полученные, например, в ходе исследований коллективного разума. Целью цифрового манифеста является описание цифровых инструментов управления таким государством, в котором народ, являясь единственным источником власти, никогда не отделяет эту власть от себя, а лишь делегирует избранным представителям функции по управлению государством и лишь на то время, которое разрешают граждане.

К 2022 году была разработана большая часть технических средств, для совершения цифрового перехода к новой форме управления государством – цифровой демократии или цифровизму. Однако, политическая ситуация в каждой стране была различной, как и готовность к цифровому переходу. В большинстве стран цифровые технологии начали использоваться как инструмент для укрепления действующей власти. При этом, гражданские права и свободы стали быстро сворачиваться.

Электронное голосование, цифровизация национальных валют, видеокамеры в общественных местах с возможностью идентифицировать любого человека, тотальная запись всех телефонных разговоров, сохранение всей активности в Интернете, контроль за «лайками» и комментариями в социальных сетях, присвоение «социального рейтинга» гражданину – все это вело общество по пути «цифрового лагеря» с тотальным контролем государства над гражданами. Демократия начала сворачиваться и оказалась в опасности.

Государство, в лице узкой группы людей, перехватило контроль над цифровыми технологиями, все сильнее узурпируя власть, а общество не успело консолидироваться вокруг этой проблемы. Большинство граждан склонилось к мнению – что им нечего скрывать, поэтому государство может за ними следить.

Идеология цифровой демократии предполагает, что народ, являясь единственным источником власти, имеет право защищать демократию и должен поставить власть под свой контроль с помощью цифровых технологий. «Цифровой лагерь» должен быть не для всего общества, а только для представителей власти.

Практи́пия (термин введён Элвином Тоффлером) — литературный жанр, в котором, как и в утопии, описывается модель лучшего общества, но, в отличие от утопии, признаётся неидеальность данного общества. Жанр утопии сам по себе предназначен для описания модели совершенного общества, в котором личность обретает высшее развитие и совершенство. Утопия – это виртуальная модель (образ) общества, отвечающего критериям максимально представимой автору социальной справедливости и всеобщего счастья в условиях стремящейся к идеалу человеческой природы, которая альтернативна социальному настоящему и по замыслу автора должна выступать ориентиром будущего развития.

Довольно обширную и в целом оптимистичную панораму будущего общества рисует Э. Тоффлер, называя свою утопическую композицию термином «практопия». т.е. жанр, в котором описывается модель лучшего общества, но в отличие от утопии не идеального, а содержащего некоторые несовершенства. В практопии есть место болезням, грязной политике и дурным манерам; она не статична, словно застывшая в нереальном совершенстве; в то же время она не воплощает в себе некий воображаемый идеал прошлого. Практипия не является воплощением концентрированного зла, что характерно для антиутопии; в ней нет безжалостной антидемократичности, милитаризма; она не обезличивает своих граждан, не нападает на соседей и не разрушает окружающую среду; практопия предлагает позитивную и даже революционную и, тем не менее, реалистичную альтернативу современной действительности. В определенном смысле общество постмодерна и представляет собой практопию, практопическое будущее.

Главными слабостями всех неклассических и постнеклассических разновидностей утопий является, во-первых, их фрагментарность, связанная с абсолютизацией отдельных

сторон идеального общества, во-вторых, как это ни странно, ограниченная фантазия, которая никак не может преодолеть исторически изживших себя идеологий, в особенности, идеологии буржуазного либерализма и не может представить себе идеальное общество без частной собственности, как основы личной индивидуальности. Наконец, утопичность всех этих современных проектов идеального общества связана с тем, что ни один из них не только не решает, но и не поднимает вопроса о реальных путях и способах перехода от современного общества к идеальному.

В статье приводится широкий спектр мнений, в том числе и апелляция к контраргументам оппонентам, работа выполнена на широком библиографическом материале и будет интересна определенной части аудитории журнала.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Незнанова В.С., Третьякова М.О. — Влияние воцерковленности на социально-политическое сознание россиян // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40458 EDN: MJSTVT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40458

Влияние воцерковленности на социально-политическое сознание россиян

Незнанова Виолетта Сергеевна

кандидат философских наук

доцент, кафедра Государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Средний Проспект В.о., 57/43

✉ vio.vita@yandex.ru

Третьякова Марина Олеговна

студент, кафедра ГиМУ, СЗИУ РАНХиГС

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Средний Пр. В.о., 57/43.

✉ mtretyakova-21@edu.ranepa.ru

[Статья из рубрики "Религия и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.40458

EDN:

MJSTVT

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2023

Дата публикации:

17-04-2023

Аннотация: Предмет данной статьи – процесс влияния воцерковленности на социально-политическое сознание россиян. Цель работы раскрыть роль влияния религиозных ценностей, присущих верующему и воцерковленному человеку на его социально-политическое сознание. Работа опирается на религиозные догматы Русской православной церкви, социологические исследования, «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», данные общественной палаты Российской Федерации, общественной палаты Санкт-Петербурга и т.д. При проведении исследования применялись следующие методы: историко-философского анализа, сравнительного

анализа, междисциплинарный подход. Научная новизна заключается в том, что раскрыта роль влияния воцерковленности на социально-политическое сознание россиян. Сегодня тема влияния воцерковленности на социально-политическое сознание россиян мало изучена. Как правило, в данном контексте рассматриваются более общие понятия, такие как гуманность, мораль и нравственность без существенной привязки именно к религиозным началам и без должного осмысления данного вопроса в контексте социально-политического сознания. В данном исследовании проводится анализ с исторической и современной точек зрения. Основными выводами исследования являются следующие: 1. Исповедуя религию, человек перенимает те ценности и морально-нравственные ориентиры, которые присущи данной религии. 2. Религиозное представление так или иначе начинает проецироваться на окружающий мир, в том числе и в светской обывденной жизни. 3. Исходя из результатов исследования можно утверждать о влиянии воцерковленности на социально-политическое сознание россиян.

Ключевые слова:

социально-политическое сознание, вера, православие, воцерковленность, религия, гражданское общество, Православная Церковь, общественная палата РФ, общественная палата Санкт-Петербурга, некоммерческий сектор

На протяжении многих лет рассматривается вопрос влияния на общество такого социального института как религия, а в частности – восприятие личностью социальных, культурных, политических и иных событий под влиянием религиозных убеждений. Однако, несмотря на исследования, проводимые с точки зрения социологии, политологии, психологии и правоведения, можно утверждать, что данная проблема мало изучена и однозначного ответа не дано до сих пор.

Православная Церковь не только повлияла на зарождение гражданского общества в России, но и на всех этапах развития третьего сектора всегда была основой для его развития и одним из основных институтов объединения добровольного труда – волонтеров. Гражданское общество существовало всегда и везде, но в различных формах его проявления. Не исключение и Россия.

Сегодня исследователи могут выделить шесть основных этапов развития гражданского общества в России. Первый этап связан с началом развития благотворительности в России, которое совпало с принятием христианства. Церковь стала ее основным учреждением, оказывая различную помощь своей пастве. Второй этап начинается во времена правления Петра I и характеризуется целенаправленным оказанием помощи нуждающимся и усилением влияния на государственный процесс. Третий этап начинается в период реформ 60-70-х годов XIX века, когда система регулирования благотворительной деятельности была передана в руки местного самоуправления в лице земств и городских советов. Четвертый этап, начался в конце XIX века, связан с быстрыми темпами развития благотворительных учреждений, полностью независимых от государственной власти. Пятый этап – советский период, когда элементы некоммерческого сектора (партии, профсоюзы, национальные контрольные комитеты, различные молодежные, ветеранские, женские и т. д. организации) были отождествлены с государством, обеспечивающим социальную справедливость и благотворительность. Шестой этап можно охарактеризовать как современный, который начался в 1992 году, когда доминирующей моделью является государство, в котором государство выступает в роли клиента для организаций, представляющих некоммерческий сектор. С одной

стороны, это способствует развитию институтов гражданского общества (местного самоуправления, некоммерческих организаций (называемых НКО)), а с другой стороны, не обеспечивает полного контроля общества над государством. [\[9\]](#)

Можно смело заявить, что Православная Церковь повлияла на зарождение гражданского общества в России, т. к. первый этап развития гражданского общества в России начался с принятием христианства и напрямую связан с Православной Церковью. Данный этап имеет в основном религиозный характер. Основным финансовым источником данного периода была церковная десятина и уже привычный для гражданского общества добровольный труд волонтеров (монахинь, священнослужителей). Проблемы нуждающихся людей становятся предметом внимания княжеской власти, которая носила скорее характер частной благотворительности. Развитие благотворительной деятельности в Киевской Руси было прервано татаро-монгольским нашествием, и только после избавления от татаро-монгольского ига (во второй половине XV в.) и восстановления централизованной российской государственности появилась возможность на государственном уровне решать сложные социальные проблемы, среди которых — помощь немощным и нуждающимся. Во второй половине XVI в. появляется система государственного призрения. В 1682 г. выходит указ царя Федора Алексеевича о том, что неспособные к работе должны найти себе приют при монастырях или богадельнях, а здоровые нищие должны работать. Появляются механизмы предупреждения нищенской психологии: детей нищих отдают по домам для обучения ремеслу или в монастырь (для обучения грамоте). Этот указ был важен для развития гражданского общества в России; данный указ стал прообразом принципа дифференцированного подхода к различным категориям нуждающихся людей и принципа социальной профилактики, в свою очередь соблюдение которых является одним из преимуществ третьего сектора. [\[9\]](#)

Сегодня Православная Церковь является добровольным объединением верующих, а значит входит в гражданское общество как институт. Православная Церковь является институтом гражданского общества, ведь Православная Церковь обладает такими качествами как удовлетворение материальных и духовных потребностей его членов; добровольное членство; равный доступ к информации, идеологии; большой удельный вес в обществе среднего класса; самоуправляемость. Православная Церковь существует так же за счет прихожан, они покупают свечи и другие церковные принадлежности, совершают пожертвования, тем самым формируя ее бюджет, добровольно занимаются уборкой помещения и приготовление обеда в трапезной. По сути, это большая семья - все доверяют и помогают друг другу, действуют слаженно и согласовано. Как было замечено ранее, Роль Православная Церкви в истории нашего государства значительна. За этот долгий период она определила гражданское самосознание и плюрализм. Патриарх Кирилл, указывая на деятельность Православной Церкви как части гражданского общества, говорит, что «духовные и нравственные ценности» являются залогом «гражданского мира и развития». С ним нельзя не согласиться. Без веры люди заботились бы только о своем благе, не думали об окружающих, да и самого гражданского общества как такового не существовало. Ведь нет ни одного государства, где хотя бы один человек, проживающих в нем, не был религиозным. [\[12\]](#)

Прежде всего стоит сказать, что в данной статье рассматривается воцерковленность граждан, относящих себя именно к Русской православной церкви. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) на 2021 год большинство граждан Российской Федерации являются православными христианами, количество которых составляет 66% от общего числа населения. Неверующие

составляют – 14% [\[13\]](#).

Согласно Конституции, Российская Федерация является светским государством, что означает свободу вероисповедания граждан, отсутствие установления официальной религии и запрет влияния церкви на государство [\[1\]](#). Однако не будет ошибочным заявление, что за счёт количества православных христиан, происходит преобладание именно православия в различных культурных, образовательных и иных сферах жизни российского общества.

За время истории нашего государства отношение к религии было достаточно разным. В различные исторические эпохи значимость религии менялась. До революции 1917 года влияние религии было заметным, как в жизни общества, так и в жизни государства. Так, Государь считался помазанником Божиим, государственные символы в числе которых флаг, герб и гимн свидетельствовали об отношении России к православию. К официальному участию в важных общественных и государственных событиях привлекалось преимущественно духовенство Русской православной церкви. Официально отмечались только православные праздники, а исчисление годов и месяцев происходило, согласно церковной традиции – по Юлианскому календарю. Отступление от православной веры не допускалось. Православным священникам надлежало следить и докладывать обо всех «бывших и не бывших у исповеди». В случае, если человек не исповедовался на протяжении 2–3 лет, сведения предоставлялись архиерею для «вразумления». Вероотступничество порицалось обществом, а в некоторых случаях и было наказуемо со стороны государства. С приходом к власти большевиков и вплоть до распада Советского Союза воздействие религии было минимальным, церковь не имела никакого влияния на жизнь общества, общие настроения были направлены на искоренение религии и обращение к материализму и идеям построения коммунистического будущего, атеизм прочно укреплялся в сознании граждан, хотя стоит отметить, что среди граждан по-прежнему оставались верующие люди. После распада Советского Союза и Перестройки было вновь усилено обращение к православию, о чем может свидетельствовать возвращение дореволюционных атрибутов государственного символа – герба, активное восстановление разрушенных соборов и храмов, а также канонизация святых в начале 2000-х годов, в числе которых и Царственные страстотерпцы – Николай II и его семья. В результате исторических изменений, происходящих в государстве, современное российское общество собралось в себя некое сочетание всех предыдущих традиций и мировоззрений.

По мнению исследователя Белгородского государственного национального исследовательского университета С.Д. Лебедева, религиозность человека в современном обществе есть соединение светской и конфессиональной религиозных культур. Под светской культурой подразумевается некое секулярное и нецерковное состояние сознания, которое лишено религиозного влияния. Что же касается религиозной культуры, то за счёт ее центрального становления в ценностные ориентиры человека, она начинает сопровождать его жизненный путь и частично трансформирует культуру светскую.

Важно также уделить внимание проявлению религиозности. Так психолог Г. Олпорт утверждал, что существует два вида религиозности:

1. Внешняя (неразвитая) религиозность.

По данным типом религиозности подразумевается отношение субъекта к религии как к способу достижения определенных жизненных целей. В таких случаях посещение

церкви, участие в религиозных обрядах и внешнее благочестие выражается с целью доказательства своего социального положения и терпимости к общепринятым нормам. Религия в данном случае выполняет функцию инструмента для реализации собственных целей. Социальная опасность внешней религиозности заключается в том, что она выполняет скорее разъединяющую функцию, нежели объединяющую, а ее представители склоны к предвзятому отношению к другим социальным группам и активной сегрегации по этническому признаку.

2. Внутренняя (подлинная) религиозность.

В данном случае религия для индивида представляет собой высшую и конечную ценность. Деятельность человека в таком случае опирается на определенные предписанные религией правила исходя именно из внутренних убеждений, а не влияния и положительного отношения к нему общества. Важным аспектом жизни человека становится религиозный поиск, который во многом задает поведение и взаимодействие с другими людьми.

Таким образом и в первом, и во втором случае поведение человека в обществе обуславливается религиозным влиянием.

Считаем важным также уделить внимание таким двум понятиям как вера и воцерковленность. Разница заключается в том, что второе подразумевает более глубокое осмысление религии в обыденной жизни: постоянное посещение церкви, соблюдение определенных религиозных обрядов, в числе которых причастие, миропомазание, соблюдение поста и т.д. Согласно социологическим исследованиям воцерковленных, то есть реализующих на практике предписанные религией правила поведения, меньше, чем верующих [\[4\]](#).

В России, с одной стороны наблюдается действительно достаточно высокий уровень религиозности среди российского общества, особенно касательно вопроса о необходимости религии в жизни, с другой же – практически отсутствует связь религиозности каждого отдельного человека с ее предполагаемым ценностно-нормативным следствием.

Некоторые исследователи-социологи отмечают, что в России причисление себя к православным отражает скорее не религиозную принадлежность, а этническую. Так, например, В. Карпов отмечал характерной особенностью россиян такой феномен как этнодоксия. Под этнодоксией понимается связь этнической идентичности общества с ее преобладающей религией [\[5\]](#).

Выдающийся русский философ В.С. Соловьев в своей работе «Кризис западной философии» писал, что «...субъективным основанием религии является вера народных масс, определяемая общим преданием, а не исследованием личного разума» [\[3\]](#).

Справедливость данных высказываний действительно можно подтвердить, рассматривая российское общество и изучая религиозное сознание россиян. Многочисленные социологические исследования показывают, что религия для многих россиян составляет значимую традиционную основу и представляет собой преемственность поколений.

Вопрос о взаимоотношениях религии и государства, как и влияние религии на социальные и политические взгляды народа остается актуальным до сих пор. Учитывая то, что религиозные учения затрагивают и регламентируют различные сферы жизни они могут оказывать влияние на такие показатели как демография, гражданская позиция

общества и т.д.

Характерной чертой российского общества в разные исторические периоды можно отметить высокую значимость традиционных ценностей, которые могут выражаться в обыденной жизни, культуре и общественном поведении. Одним из источников традиционных ценностей и является религия, а в частности Русская православная церковь.

Стоит сказать, что воцерковленность как определение себя верующим человеком с точки зрения социологии способно выполнять роль стабилизатора общественных отношений. Проявляется это в следующем [\[7\]](#):

1. Религия способна выполнять функцию возникновения и дальнейшего становления социальных отношений. Кроме того, стоит сказать, что религиозная социализация как процесс передачи религиозных норм и нравственных ценностей, способно обеспечить преемственность поколений, которая играет важную роль в сохранении стабильности общества.
2. Религия дает оценку действительности. Таким образом верующий человек может давать оценку поступкам других людей, различным событиям и т.д. именно с точки зрения религии.
3. Важнейшей функцией религии является мировоззренческая функция. Под влиянием религиозных учений индивид формирует миропонимание, под которым подразумевается объяснение мироустройства и отдельных процессов в нем, мирочувствование как отражение чувств и эмоций, миросозерцание как чувственное познание окружающего мира и мироотношение, то есть система взглядов индивида к окружающей его действительности. Также важность мировоззренческой функции проявляется в обретении смысла жизни в целом.
4. Компенсаторная функция является одним из наглядных примеров влияния на социальное сознание. Речь идет о том, что, сталкиваясь со всевозможными угнетениями и несправедливостью в обыденной жизни, компенсация осуществляется за счет идей о равенстве всех верующих перед Богом, социальное неравенство превращается в равенство в греховности и страдании.
5. Регулирующая функция подразумевает передачу духовных и нравственных ценностей между людьми.
6. Схожей по смыслу с регламентирующей функцией является также и легитимизирующая. В данном случае речь идет о соблюдении определенных правил поведения и взаимодействия в обществе.

Перед тем, как ответить на вопрос касательно влияния религии на политическое сознание россиян, считаем нужным рассмотреть взаимодействие религии и политики в целом. В отличие от религии, которая во многом является сугубо консервативной, политика имеет свойство меняться под влиянием конъюнктуры и определенных внешних и внутренних факторов. Кроме того, политика направлена на «мирские» дела в рамках государства, в то время как религия больше ориентирована на жизнь «вечную», которая наступает после жизни «мирской».

Следует отметить, что религия отличается высоким уровнем консервативности и придерживания традициям, передаваемым испокон веков. Церковь достаточно внимательно относится к своей репутации и авторитету, а потому можно наблюдать

отстранение церкви от политической деятельности. Разумеется, это не свидетельствует об аморальности политики и ее следовании в разрез с религиозными ценностями. Однако зачастую политическая деятельность руководствуется теми принципами, которые порой идут в разрез с нравственными постулатами церкви.

Как уже было сказано ранее, Российская Федерация является светским государством, в котором влияние религии на управление государством с точки зрения права невозможно. Однако в связи с тем, что на окружающую нас действительность и реальность так или иначе оказывает влияние государственное управление, церковь может обосновывать те или иные события обращаясь к религиозным началам.

Несмотря на то, что с первого взгляда политика далека от церковных вопросов, а церковь от политики, влияние воцерковленности на социально-политическое сознание россиян может происходить по причине выполнения религией функций, которые рассматривалось ранее.

В заключении исследования о влиянии религиозных убеждений на социально-политическое сознание, следует также прибегнуть к взглядам самих россиян на взаимоотношения Русской православной церкви, общества и государства.

Ниже представлена таблица. Респондентам было предложено ответить на вопрос касательно влияния церкви на государство и общество. Вопрос звучал следующим образом: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между церковью и обществом, государством?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных) [\[14\]](#).

	2009	2012	2022
Церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства	27	31	33
Церковь должна влиять на моральную духовную жизнь всего общества, но не вмешиваться в политику и государственные дела	43	44	45
Церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства	16	17	13
Затрудняюсь ответить	14	8	9

Таблица 1 – Отношения между церковью и обществом, государством

Согласно данным, ВЦИОМ более половины граждан допускают вмешательство церкви в общественную и политическую жизнь (58%). При этом из них 45% считают, что церковь должна влиять только на духовную жизнь, не вмешиваясь в политическую жизнь государства, а 13% убеждены, что церковь может активно участвовать в решении как общественных, так и государственных вопросов. Оставшаяся треть респондентов являются приверженцами светских взглядов и считают, что церковь должна заниматься исключительно проблемами религии (33%).

Поведение человека не является свободным, на него так или иначе происходит влияние извне. Оно может быть выражено влиянием властно-принудительных и правоохранительных функций государства, социальными нормами и правилами, религиозными убеждениями.

Различные социальные и политические потрясения, оказывающие влияние на общество, а также личные душевные терзания, человеку свойственно переживать через религиозное осознание жизни. Вероисповедание способно дать человеку моральную опору, успокоение, а также оно позволяет личности идентифицировать себя как представителя определенной социальной группы, в основе которой и лежит принадлежность к религии.

Подводя итог вышесказанного, отметим, что воцерковленность способна оказывать влияние на социально-политическое сознание, она позволяет взглянуть на различные общественные и государственные проблемы с точки зрения религиозных принципов, найти объяснение тем или иным происходящим в обществе и государстве явлениям, опираясь на церковные догматы. В одних случаях воцерковленность способна оказывать значительное влияние на сознание, в иных – не столь заметное, но исходя из самой сути религиозной психологии становится очевидно, что религиозные представления так или иначе начинают проецироваться на окружающий мир, в том числе они проявляются и в светской обывденной жизни, а значит можно утверждать и о влиянии религии на социально-политическое сознание россиян.

Исповедуя религию, человек перенимает те духовные и нравственные ценности, которые присущи той или иной религии. Имея свои внутренние убеждения и морально-нравственные ориентиры, человек начинает их проецировать на окружающий мир. Соответственно его мироощущение происходит именно через призму религиозных ценностей.

Библиография

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.02.2023).
2. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (дата обращения: 30.01.2023).
3. В. С. Соловьев. Кризис западной философии (Против позитивистов). Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2: М., "Мысль", 1988.
4. Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Общественные науки и современность. 2007. No 1. С. 103–119; No 2. С. 78–95.
5. Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Eth-nic Identities // Journal for the scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51. No 4. P. 644.
6. Колякина Е.А. Определение сущности понятия «религиозность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2007. No3. Том 13. С. 51–55.
7. Маковская Е.С. РЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СТАБИЛИЗАТОР // Современные наукоемкие технологии. – 2004. – № 5. – С. 110–110; URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22025> (дата обращения: 02.02.2023).
8. Незнанова, Виолетта Сергеевна Проблема взаимодействия гражданского общества и государственной власти : философский анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 Москва 2018
9. Третий сектор и его роль в социальной защите населения. URL: <http://soc->

work.ru/article/24 (дата обращения: 30.01.2023).

10. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.oprf.ru .-Загл. с экрана.-На рус.яз. Дата: 30.01.2023
11. Официальный сайт Общественной палаты Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://palataspb.ru>.-Загл. с экрана.-На рус.яз. Дата: 30.01.2023
12. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2008 г.) / <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (Дата обращения: 30.01.2023)
13. Великий пост – 2021 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Аналитический обзор. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20210608083716/https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 11.01.2023).
14. Церковь и общество: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Аналитический обзор. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 17.01.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Настоящая статья посвящена достаточно актуальной и злободневной теме взаимосвязи религиозного сознания и мировоззрения человека в контексте идеологии и политической конъюнктуры и момента. Внутри любого религиозного сообщества можно встретить людей,

значительно различающихся как по степени включенности в общественную жизнь, так и по своим политическим предпочтениям. Не является исключением и православная Церковь. Тем не менее принято считать, что принадлежность к ней влияет не только на общие мировоззренческие установки, но и на политические ценности индивидов. На сколько эта точка зрения верна? Существуют ли некие приоритетные политические ценности, которые присущи православным как особой конфессиональной группе? Как сказывается православие на социальной активности российских граждан? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена рецензируемая работа.

Один из важнейших показателей социальной активности — членство в различного рода общественных организациях и ассоциациях. К настоящему времени в России сформировалось множество подобных организаций, однако уровень вовлеченности в них населения остается

очень низким. Так, за последний год в деятельности тех или иных добровольных объединений принимало участие лишь около 11% наших соотечественников (согласно данным социологических опросов. Оставим в настоящий момент в стороне вопрос о репрезентативности выборки). Подавляющее большинство современных россиян не доверяют общественным организациям и не готовы их поддерживать.

Официальная позиция Церкви, которую выражает ее священноначалие, всегда отличалась умеренностью, осторожностью и равноудаленностью от различных, часто противоположных идейных течений, существующих в рамках церковной общины. Радикальные тенденции

как консервативного, так и либерального толка никогда не поддерживались руководством Церкви. Наиболее активными среди православных верующих являются группы, исповедующие промонархическую консервативную идеологию. Они нередко

находятся в оппозиции к официальному курсу священноначалия. Консервативно-традиционалистское направление характеризуется приверженностью некой «исконной традиции», связанной с определенным периодом в истории Церкви. Это может быть и XVII, и XIX столетие. Некоторая часть верующих объявляет идеалом «эпоху святых отцов», имея в виду период IV—VIII вв.

Можно говорить о наличии своеобразной консервативной православной субкультуры как культуры устойчивой социальной группы, обладающей собственной нормативноценностной системой. Далеко не все верующие являются ее носителями, но она охватывает довольно

большое число церковных общин и является весьма влиятельной. Идентичность данной категории православных строится по принципу противопоставления культуре глоболизирующегося общества. Их базовая установка — неприятие модерна во всех его проявлениях. Объектами критики нередко оказываются глобализация, либерализм, демократия, права человека, индивидуализм, светскость, межкультурный и межконфессиональный диалог, правовое государство и т. д. Современные демократические институты трактуются как оружие агрессивного Запада, который стремится уничтожить Россию и православную цивилизацию в целом. Идеальным политическим устройством считается монархия, с возвращением к которой связывается надежда на возрождение национальной культуры и высоких духовно-нравственных ценностей русского народа.

Полученные результаты заставляют предположить, что на политическую ориентацию верующих влияет не собственно православная религиозность, а определенная православная субкультура. Ведь особенность вузов заключается как раз в том, что в их учебные планы, помимо обычных светских дисциплин, включены богословские, церковно-исторические и богослужебные курсы, причем значительная часть профессорско-преподавательского корпуса придерживается консервативных политико-идеологических взглядов. Осмысляя и обсуждая различные события культурной, общественной и политической жизни страны с точки зрения усваиваемых ими в процессе обучения богословских позиций, студенты таких вузов неизбежно оказываются причастны к соответствующей субкультуре. Именно это и отличает их от студентов светских учебных заведений, которые, даже будучи православными верующими, не являются членами групп, погруженных в замкнутую нормативноценностную систему православного консерватизма.

В пользу подобного предположения говорит и сопоставление политических предпочтений воцерковленных и невоцерковленных православных студентов светских вузов. Если бы консервативность православных студентов была связана с православной верой как таковой, то воцерковленности должен был бы соответствовать более высокий уровень политического консерватизма (воцерковленные православные лучше разбираются в вопросах веры, нежели невоцерковленные). Однако никакой жесткой связи между воцерковленностью и консервативными взглядами нам обнаружить не удалось. Хотя воцерковленные студенты гораздо чаще отождествляют «русскость» и православие и с большим одобрением относятся к идее превращения православия в государственную религию, их представления об идеальной форме правления и степени ответственности государства за благосостояние граждан, а также оценки глобализации мало чем отличаются от представлений и оценок невоцерковленных.

Работа базируется на проведенных автором исследованиях, присутствует анализ большого пласта библиографического материала по данной тематике (хотя, конечно, это отечественная литература, а было бы интересно в том числе посмотреть соответствующие результаты по другим странам), присутствует апелляция к различным

точкам зрения, в том числе и контраргументным. Представляется, что работа будет интересна определенной части аудитории журнала.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Копалиани В.З. — Политика, публичность и социальные движения в работах Ю.Хабермаса и П. Бурдьё // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40530 EDN: RYGTON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40530

Политика, публичность и социальные движения в работах Ю.Хабермаса и П. Бурдьё

Копалиани Виолетта Зазаевна

аспирант, кафедра истории и теории социологии, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, Социологический факультет

✉ violettakopaliani@gmail.com

[Статья из рубрики "Общественные организации и движения"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.40530

EDN:

RYGTON

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2023

Дата публикации:

27-04-2023

Аннотация: Современные социальные движения невозможно рассматривать вне контекста существующей публичной сферы, основными теоретиками которой являются Ю. Хабермас и П. Бурдьё. В статье анализируются различные аспекты функционирования публичной сферы, рассматривается роль средств массовой информации в формировании публичной сферы и ориентации публичного мнения. На примере социальных движений во Франции рассматривается, как публичная сфера влияет на функционирование общественных движений. На сегодняшнем этапе СМИ во многом определяют повестку дня и контролируют общественные дебаты, а опыт каждого человека полностью опосредован средствами массовой информации. Приобретая все большее значение в обществе, СМИ подвергаются возрастающему влиянию политики, теряя функции публичной сферы. Тем не менее, публика организованных частных лиц смогла бы стать эффективным участником публичной коммуникации, через которую возможно легитимизировать достижение политических компромиссов. Особым вкладом автора в исследование темы заключается в том, что при исследовании социальных движений особое внимание следует уделять не только политическим, экономическим и

социальным причинам возникновения демонстраций, но и публичной сфере, в которой они существуют. Кроме того, дискурс, сконструированный средствами массовой информации, не только навязан обществу, но и принадлежит ему. Каждый человек (в разной степени и с разной степенью силы и осознанности) вносит свой вклад в ее создание, причем не последнюю роль в этом играют платформы социальных сетей. Если публичный дискурс - это результат деятельности множества акторов, то необходимо рассмотреть возможность вмешательства в его построение.

Ключевые слова:

публичная сфера, средства массовой информации, общественное мнение, политика, капитал политического деятеля, гласность, коммуникация, общественные дебаты, социальные движения, Франция

Анализ социальных движений, независимо от места их возникновения, сопряжен с рассмотрением публичной сферы, а также роли средств массовой информации в распространении и освещении демонстраций и акций протестов. Социальные движения существовали на протяжении всей истории развития общества, с одной стороны являясь следствием, а с другой стороны причиной возникновения социальных кризисов. Несмотря на схожие проявления социальной активности участников социальных движений, динамика мобилизации протестов и причины возникновения массовых социальных движений могут сильно отличаться друг от друга, что требует социологического анализа данных различий.

Поскольку изучение социальных движений сопряжено с рассмотрением исторического, политического и национального контекста, на фоне которого они возникают, в рамках данной статьи удобнее ограничиться социальными движениями во Франции, которые особенно ярко проявляют себя в последнее время. Если события мая 1968 года спровоцировали возникновение новых социальных движений, то на современном этапе общественные движения прошли путь радикальных преобразований. Изменениям подверглись как организация, так и стиль самовыражения современных социальных движений, которые теперь отличаются от традиционных социальных движений повесткой дня и структурой, сложившейся в том числе и под влиянием новых коммуникационных технологий. Новые коммуникационные технологии и публичная сфера трансформировали организацию социальных движений и способ мобилизации участников. Современные социальные движения во Франции отличаются от традиционных общественных движений тем, что участники акций в основном полагаются на социальные сети при мобилизации. В рамках исследования необходимо продемонстрировать влияние публичной сферы на формирование и осуществление деятельности социальных движений в современной Франции.

В связи с этим, в данной статье предлагается рассмотреть публичную сферу как социально-культурную среду формирования и функционирования современных социальных движений, опираясь на работы Ю. Хабермаса и П. Бурдьё, которые внесли значительный вклад в формирование понятия публичной сферы, а также рассматривали в своих работах французское общество.

Трансформация публичной сферы и социальные движения

Ю. Хабермас рассматривает, как исторически трансформировалась публичная сфера европейских государств, прежде всего Франции и Англии. Как утверждает Ю. Хабермас,

вместе с формированием противостояния между органами государственного управления и обществом возникает проблема участия широких масс в осуществлении государственной власти. В период становления публичной сферы в XVIII и XIX веках, граждане европейских стран находились в условиях буржуазной свободы, при этом для них исключалась возможность участия в политической власти. «Государство как организация господства в определенном смысле стояло в себе самом, то есть социологически опиралось на короля, чиновничество и армию, а частично также на дворянство, и как таковое оно организационно и институционально было «отделено» от общества.» [\[1, стр. 19-20\]](#). Однако по мере интеграции государства и общества публичная сфера подвергается структурному изменению, связанному с возрастанием сбыта, качества и потребления книжной продукции. Эти исторические процессы дают толчок для начала общественных обсуждений политики в публичных местах и формирования общественного мнения. Распространение газет и печатной продукции сделало возможным формирование публичной сферы, которая становится пространством для общественных дебатов, выдвижения требований, а также для репрезентации различных социальных движений.

Новым толчком к трансформации публичной сферы стало распространение электронных средств массовой информации. Власть масс-медиа привела к тому, что современная публичная сфера преобразилась в арену, где темы, новости и статьи становятся инструментами для борьбы за влияние и управление потоками коммуникации. Публичная сфера сегодня предстает как сеть, объединяющая несколько систем, которые представляют общественное мнение [\[2\]](#). Массовым фактом остается общая медиатизация политической жизни, культуры и различных аспектов социальной жизни, к которой добавляется массовое распространение информации и коммуникационных технологий. Сегодня средства массовой информации играют роль переводчика, через которого сегодня опосредуются отношения с миром [\[3\]](#). Именно поэтому социальные движения невозможно рассматривать вне существующей публичной сферы. Обратимся здесь к работе Номо Academicus П. Бурдьё, в которой он приписывает «критическому событию» функцию синхронизации латентных кризисов в различных социальных сферах [\[4\]](#). Для событий мая 1968 года, таким синхронизирующим событием стала «Ночь баррикад» (10-11 мая), в ходе которой студенты заняли Латинский квартал после мирной демонстрации. Действия студентов привлекли внимание масс-медиа, в результате чего влияние социального движения возросло, новости о протестах распространились за пределы столицы, что привело к проведению манифестаций и в периферии [\[5\]](#). Этот пример демонстрирует, насколько средства массовой информации важны для тех, кто не имеет регулярного доступа к политической системе. Именно благодаря публичной сфере протестующие могут надеяться получить признание в качестве законных представителей общественности и иметь возможность влиять на политические решения. Однако доступ к медиа-арене затруднен ввиду регламентации деятельности журналистов и специфики медийного пространства. С этой точки зрения демонстрации являются одним из способов не только получить освещение в средствах массовой информации, но и признание права вмешиваться в политический процесс. Шансы на освещение социальных движений и демонстраций во многом зависят от их новизны, количества вовлеченных людей, характера проведения акций и масштаба событий. За последние несколько лет во Франции число в миллион участников стало явной целью, показателем успеха, а иногда и минимальным условием для получения реакции со стороны властей [\[6\]](#).

Изменение публичной сферы несомненно повлияло на политику. Как верно заметил Ю.

Хабермас, если изначально гласность гарантировала взаимосвязь общественных дебатов с обоснованием господства, с надзором над проявлением власти, то теперь гласность в какой-то степени насаждается сверху, ее задачами становятся манипуляции общественным мнением и обеспечение легитимности власти [7]. На примере движения «желтых жилетов», наиболее ярко проявившим себя в 2018 – 2019 гг., можно наблюдать главную особенность современных общественных движений во Франции – неприятие любой организации, будь то профсоюзной или политической. Это говорит о недоверии и разочарованности в действующих партиях и политических силах. Несмотря на то, что «желтые жилеты» получили поддержку от СМИ, которые стремились передать требования протестующих, сами участники протестных акций проявляли агрессию ко всем представителям прессы, которые, по их мнению, искажали их образ и представляли интересы государства. Заслугой «желтых жилетов» является то, что они делают попытку противостоять официальным средствам массовой информации как каналам, через которые происходит развертывание гласности сверху.

Особое внимание Ю. Хабермас уделяет пиару, широко используемый политиками и политическими партиями, который также разворачивается в публичной сфере. Ю. Хабермас отмечает, что адресатом public relations является публичное мнение. При этом заказчик пиара обычно скрывает свои коммерческие намерения и выступает в роли лица, заинтересованного в общественном благе. Таким образом, функции публичности используются в конкуренции частных интересов. Пиар выходит за рамки рекламы за счет использования методов продвижения и освоения, он вмешивается в процесс публичного мнения, используя информационные поводы для привлечения внимания. В связи с этим формируются новые символы и авторитеты, которые получают всеобщее признание. В результате происходит переориентация публичного мнения. Публичная сфера становится ареной, перед публикой которой разворачивается чей-то престиж, вместо того, чтобы находиться в поле ее критики. Однако во время написания работы «Структурная трансформация публичной сферы» еще не были созданы и распространены современные средства коммуникации, например, социальные сети, которые во многом повлияли не только на изменение коммуникационных практик, но и на поляризацию мнений в публичном пространстве. Пиар стал частью алгоритмов и технологий, которым подчиненно функционирование всех цифровых платформ. С одной стороны, платформы социальных сетей облегчают объединение отдельных пользователей, с другой стороны они не способствуют формированию организационных структур [8]. Если в традиционных медиа контент продвигается редакциями газет и журналов, то в интернете большую роль играют алгоритмы. Именно алгоритмы, которые в основном разрабатываются образованными слоями населения, распределяют, приоритизируют и делают публикации видимыми или невидимыми для остальных пользователей. Новые технологические инструменты, которые позволяют любому человеку легко транслировать политическую информацию большому числу граждан, могут привести к напряженным плюралистическим общественным дебатам. Кроме того, платформы предоставляют голос тем, кто стремится манипулировать политической повесткой дня в своих собственных финансовых или политических интересах [9].

Ю. Хабермас несомненно прав в том, что под влиянием трансформации публичной сферы изменяется и сама политика. Говоря о парламентских собраниях, Ю. Хабермас отмечает, что если раньше в ходе заседаний и публичной дискуссии отдельные личности стремились с помощью аргументов убедить друг друга в правильности поддержания того или иного решения, то теперь парламент становится местом изложения правительственной политики. Благодаря радио и телевидению, народ также причастен к

этой публичной сфере, но прямого влияния на нее не оказывает. В условиях расширенной публичности заседания парламента напоминают телевизионные шоу, где гласность приобретает демонстративную функцию. Поскольку публичное мнение дефинируется, презентация политического лидера и его команды нуждается «в правильном рыночном оформлении и в красивой упаковке», считает Ю. Хабермас [\[1, стр. 296\]](#). Именно потому, что публика граждан отстранена от медиа-арены, она использует платформы социальных сетей в качестве собственных СМИ, чтобы вернуть себе право вмешиваться в публичную сферу. Новости, публикуемые в социальных сетях, имеют несколько преимуществ перед традиционными СМИ. Во-первых, новости распространяются и публикуются быстрее, чем в газетах или журналах. Во-вторых, за публикуемый контент не нужно платить. В-третьих, каждый пользователь сети может быть одновременно и читателем новостей, и их создателем. Однако есть и недостатки, связанные с использованием социальных сетей в качестве основного СМИ. В первую очередь, контент никем не редактируется и не проверяется, что зачастую ведет к распространению фальшивых новостей. Отмечается также, что множество информационных источников мешает восприятию информации и ведет к усилению радикализации общественного дискурса. Немало важно, что правила коммуникации в социальной сети создаются разработчиками и руководителями цифровых платформ. Это значит, что именно от них зависит поведение пользователей в сети при онлайн, а затем и при офлайн мобилизациях.

Кроме того, в современной Франции, в условиях, когда французы находятся в режиме «постоянного президентства» благодаря репортажам, новостным каналам и публикациям в СМИ, а политический дискурс выстраивается вокруг выступлений и речи главы государства, также, как и важные политические решения, роль парламента все больше отодвигается на задний план [\[10\]](#). Таким образом, в публичной сфере пересекаются два процесса: коммуникативное производство законной власти и манипулятивное использование власти масс-медиа для создания общественной лояльности по отношению к системным императивам.

Описывая влияние СМИ на современную публичную сферу, Ю. Хабермас утверждает, что на сегодняшний день дискуссия сама принимает форму товара широкого потребления. Раньше люди платили за билет на концерт или в театр, но обсуждение увиденного являлось бесплатным. Теперь сама беседа управляется, а дебаты превращаются в шоу, на которое можно приобрести билет. Дискуссия обретает форму товара, при этом любой человек может принять участие в разговоре благодаря распространению информации в социальных сетях [\[11\]](#). Ю. Хабермас указывает на то, что современные СМИ способствуют обезличенному потреблению эмоциональных состояний, таких как раздражение или возбуждение, которые помогают расслабиться. Радио и телевидение уничтожают ту дистанцию, которую должен был соблюдать читатель по отношению к печатному слову. Разделение между фактами и вымыслом становится все более неясным. Между тем, отстранённое отношение к прочитанному для вынесения собственного суждения сделало возможным возникновение публичной сферы. Однако вместе с появлением новых СМИ, коммуникация стала осуществляться по принципу «обмену вкусами» между потребителями, а «высказывания по поводу потребляемого становятся частью самого потребления» [\[1, стр. 296\]](#). Ю. Хабермас приходит к неутешительному выводу, что «мир, порожденный СМИ, только кажется публичной сферой» [\[12\]](#). Если раньше пресса могла только способствовать обсуждениям частных лиц, то теперь обсуждение формируется средствами массовой информации. К сожалению, современная публичная сфера продолжает функционировать на основании тех же принципов. Кроме алгоритмов,

которые влияют на распространение информации в социальных сетях, эмоции также способствуют косвенному распространению информации через социальные сети [13]. У. Брэди обнаружил, что включение «морально-эмоциональных» слов в сообщения по трем политическим поляризующим вопросам (контроль над оружием, однополые браки и изменение климата) сделало эту информацию более вирусной для распространения в социальной сети [14]. Именно с данным явлением можно связать распространение фальшивых новостей, когда «люди не способны противостоять информационному потоку и готовы охотнее верить придуманным, мимикрирующим под новости, сомнительным сообщениям, чем новостям «солидных» изданий, или по крайней мере сомневаться и проверять источники» [15]. Множество информационных источников «создаёт ситуацию, при которой сенсационная, эмоционально окрашенная лживая информация распространяется с необычайной скоростью» [16].

Как, в таких условиях, возможно существование социальных движений? Ю. Хабермас пишет, что в современной публичной сфере публика граждан настолько медиатизируется публицистическими средствами, что, с одной стороны, становится пригодной для легитимации политических компромиссов, а, с другой стороны, неспособна участвовать в выработке эффективных решений или просто к участию. Действительно, движение «желтых жилетов», ярко проявившее себя во Франции в 2018-2019 гг. не смогло сформулировать единый список требований, что говорит о невозможности консолидации мнений в медиатизированном пространстве [17]. Участники социальных движений используют цифровые платформы для распространения информации, мобилизации масс и создания дискурсивного пространства. Разумеется, цифровые платформы предоставляют возможность обсуждения той или иной проблемы. Однако они способствуют поляризации мнений, что может привести к цифровому шуму, который часто заглушает определенные аспекты многогранных социальных проблем [18].

Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, раздробленная публика индивидов, по мнению Ю. Хабермаса, должна смениться публикой организованных частных лиц. Только такая публика смогла бы стать эффективным участником публичной коммуникации, через которую возможно легитимизировать достижение политических компромиссов. Очевидно, что общественному мнению сегодня сформироваться гораздо труднее из-за нагромождения настроений и неясных мнений, распространяемых по различным каналам СМИ. К сожалению, современное состояние публичной сферы во Франции говорит о невозможности какой-либо организации мнений ввиду большой раздробленности и поляризации мнений. Не последнюю роль в этих процессах играют новые средства коммуникации и платформы социальных сетей.

Таким образом, можно сделать вывод, что после трансформации публичной сферы ее роль в политических процессах стала номинальной. Под влиянием этой трансформации изменяются и социальные движения, участники которых вынуждены искать новые способы организации и мобилизации через социальные сети. Недоверие граждан к официальным каналам распространения информации и создание собственных информационных сетей свидетельствует, с одной стороны, об утрате публичной сферой своих функций, о которых писал Ю. Хабермас, а с другой стороны, свидетельствует о невозможности достижения общественного консенсуса во все более раздробленной среде мнений. Данное условие всячески поддерживается современными средствами коммуникации.

Масс-медиа, общественное мнение и «эффект реальности»

Рассуждения П. Бурдьё о публичности, которые он строит в работах «Социология политики», «О телевидении и журналистике», во многом совпадают, а также дополняют теоретические позиции Ю. Хабермаса. При этом если Ю. Хабермас в своем анализе публичной сферы приходит к неутешительному выводу, что ее как таковой не существует, то П. Бурдьё в каком-то смысле продолжает его рассуждения, и в своем анализе прямо критикует существующую систему средств массовой информации, а также выдвигает смелый тезис о том, что общественного мнения не существует.

П. Бурдьё вводит понятие политического поля, которое становится местом конкурентной борьбы между агентами, в результате которой возникает политическая продукция (программы, анализы, комментарии). При этом гражданам отводится роль потребителей такой продукции, толкование которой сопряжено с сложностями. Политическое поле делает пространство политических выступлений конечным, ограничивает его [\[19\]](#). Именно в таком политическом поле вынуждены существовать общественные движения, которые весьма ограничены не только самой спецификой данной сферы, но и в выборе средств влияния на политические решения.

Однако политическое поле накладывает ограничения не только на социальные движения, но и на самих политиков, которые должны заботиться о том, что П. Бурдьё называет капиталом политического деятеля. Люди, занимающиеся политикой, особенно уязвимы перед подозрениями, клеветой, скандалами, которые могут внести противоречие с нынешними действиями или высказываниями политика. Капитал политического деятеля может быть сохранен лишь ценой непрекращающегося труда по накоплению общественного доверия и его сохранению. К сожалению, не всем политикам удается сохранить данный вид капитала. Например, Опрос французских избирателей (Enquête électorale française – EnEF) в период президентских выборов 2022 года показал, что среди желаемых моральных качеств президента Франции доминирует его честность (так ответило 65% опрошенных) [\[20\]](#). Можно предположить, что высокий запрос на честность президента стал результатом политико-финансовых дел с двумя осужденными президентами (Ж. Ширак и Н. Саркози), а также стирания различий между общественной и частной жизнью (Н. Саркози и Ф. Олланд оба прошли через процедуру расторжения браков во время президентских сроков) [\[21\]](#). Сокращение капитала политического деятеля может привести к недоверию со стороны граждан и избирателей, и как следствие, приводит к ослаблению авторитета и утрате политиком своего места в политическом поле. Кроме того, каждый президентский срок, начиная с периода правления Н. Саркози во Франции был отмечен тем или иным социальным движением, переходящим в массовые беспорядки и столкновения с полицией, что говорит об ослаблении капитала политического деятеля у последних президентов Франции.

Что касается средств массовой информации, телевидение и журналистика рассматриваются П. Бурдьё как особые социальные пространства, связанные с производством и распространением информации. Действующие в определенной области практики лица или коллективы и институты являются в терминологии П. Бурдьё агентами поля. На современном этапе развития информационно-коммуникационных технологий агентами поля выступают не только журналисты, репортеры, владельцы СМИ, но также и цифровые платформы социальных сетей, и их владельцы. Аналогичным образом потребители продуктов коммуникации участвуют в формировании общественного дискурса, фильтруя сообщения, активируя повседневные коммуникативные сети и осуществляя свой выбор среди различных средств массовой информации, доступных для потребления [\[22\]](#).

Поле является исторически сложившимся пространством игры, со свойственными только данному пространству законами функционирования. Специфическим капиталом в поле масс-медиа является капитал известности и признания авторитета того или иного издания, журналиста. П. Бурдьё указывает на парадокс современных масс-медиа: «с одной стороны, СМИ получают все большую власть в обществе, становясь важнейшим фактором политической борьбы, а с другой, – они попадают под непрерывно растущее влияние и контроль как политики (политиков), так и экономики» [23]. Действительно, доля недоверия к СМИ заключается в том, что в настоящее время происходит соединение средств массовой информации и политических систем во Франции. Поскольку политическая система чрезвычайно непрозрачна, журналисты, которые сближаются с политиками в попытке получить информацию, в конечном итоге образуют с ними дружеские отношения и получают преимущества. Кроме того, многие из богатейших людей страны инвестировали средства в сферу коммуникации. Б. Арно и его семья, Ф. Пино и его семья, П. Драи, семья Дассо, все они владеют частями в одном или нескольких медиа-холдингах [24]. Таким образом, с помощью анонимных и невидимых механизмов осуществляется поддержание существующего символического порядка. И даже наличие социальных сетей не позволяет участникам социальных движений избежать механизмов, определяющих как минимум правила их существования на платформе, и как максимум сам тип и способ коммуникации.

В отношении телевидения, П. Бурдьё утверждает, что оно распространяет информацию и факты, за которыми ничего не стоит, для того чтобы вызвать всеобщий консенсус при этом не затрагивая важных тем. Отмечается, что политическая опасность использования телевидения заключается в способности изображения производить «эффект реальности»: телевидение заставляет поверить в то, что оно показывает [23]. Такая сила внушения может породить эффект мобилизации, создавая идеи и представления, а также реальные социальные группы. Даже простой репортаж подразумевает социальное конструирование реальности, способное приводить как к политической мобилизации, так и к демобилизации. Если более подробно говорить об освещении протестов во французских СМИ, Л. Костелло сравнивает статьи о беспорядках из четырех французских газет и выявляет дискурсы национализма, которые проявляются через использование отсылок на французскую историю и политическую традицию [25]. Она утверждает, что французская пресса практикует особое отношение к иммигрантам-выходцам из пригородов, используя беспорядки для укрепления образа Франции как разобщенной страны. Эти выводы аналогичны выводам Ф. Дарлинг-Вульфа, который при сравнении газет New York Times и Le Monde обнаружил, что последняя газета избегает рассмотрения исторических корней беспорядков и общей расовой напряженности во французском обществе [24]. Наконец, в своем исследовании освещения беспорядков французским частным телеканалом TF1 Дж. Харсен определяет расистский дискурс в качестве доминирующего [26]. Большинство этих исследований, по-видимому, подтверждает гипотезу о том, что средства массовой информации склонны изображать протест негативно, при этом не освещают глубоко укоренившуюся социальную и расовую напряженность в стране.

Как утверждает А. Мелуччи, наивный взгляд на то, что информация отражает реальность сама по себе, является пережитком прошлого, и от этого представления необходимо избавиться [22]. Информация в ее различных формах – это реальность, по крайней мере в том смысле, что наш опыт теперь полностью опосредован средствами массовой информации. Когнитивные рамки и отношения, которые позволяют людям извлекать опыт

из реальности, зависят от доступной им информации. Любая тема в публичном пространстве может стать доминирующей и центральной только тогда, когда она широко освещается на телевидении.

Наиболее важное замечание, которое приводит П. Бурдье, связано общественным мнением и отрицанием его существования. П. Бурдье попытался проанализировать функционирование и назначение опросов общественного мнения. Ученый пришел к выводу, что не всем людям доступно производство мнения. Кроме того, факт суммирования отдельных мнений ведет лишь к производству лишенных смысла артефактов. И наконец, в обществе отсутствует консенсус в отношении проблематики задаваемых вопросов, иными словами не все вопросы заслуживают быть заданными. Бурдье утверждает, что проблематика опросов связана с политической конъюнктурой и подчинена определенному типу социального заказа. Опрос общественного мнения является инструментом политического действия. В периоды кризиса, люди оказываются перед сформированными мнениями, которые поддерживаются определенными группами, что приравнивает процесс выбора между мнениями к процессу выбора между группами. П. Бурдье пишет, что «мнения становятся силами, а соотношение мнений — силовыми конфликтами между группами». Таким образом, П. Бурдье косвенно подтверждает позицию Ю. Хабермаса, который пишет о том, в современном обществе гласность насаждается сверху и служит для манипуляции общественным мнением. В этом контексте, опросы общественного мнения становятся лишь одним из всевозможных инструментов для развертывания гласности сверху, которая создает видимость существующего публичного пространства.

Конечно, Ю. Хабермас и П. Бурдье были не единственными учеными, занимавшимися проблемами функционирования публичной сферы, однако именно в работах этих ученых заложены основания для изучения существующей публичной сферы, которые актуальны и на сегодняшний день. При рассмотрении социальных движений основной упор обычно делается на экономические, политические или социальные причины возникновения недовольства и акций протестов, новизна же состоит в том, чтобы рассматривать не только изменения и реформы в действующем законодательстве, политике, но уделять особое внимание роли публичной сферы в формировании общественных движений. На примере социальных движений во Франции можно сделать вывод о том, что не только политические и экономические факторы становятся детерминантами причин возникновения демонстраций и протестных акций, но и сама структура политического поля, а также невозможность прямого вмешательства в принятие политических решений заставляет французов искать решение проблем в рамках общественных движений.

В завершение рассмотрения позиций Ю. Хабермаса и П. Бурдье хочется отметить, что фактически, дискурс, сконструированный средствами массовой информации, не только навязан обществу, но и принадлежит ему. Каждый человек (в разной степени и с разной степенью силы и осознанности) вносит свой вклад в ее создание, причем не последнюю роль в этом играют платформы социальных сетей. Если публичный дискурс – это результат деятельности множества акторов, то необходимо рассмотреть возможность вмешательства в его построение. Отказавшись от мифа о прозрачности и линейности связей, которые скрепляют общественный дискурс, люди смогут стремиться к большей заметности в процессах принятия решений, которые управляют средствами массовой информации и определяют политическую повестку дня.

Библиография

1. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования

- относительно категории буржуазного общества / под ред. М. Беляева ; пер. В. И. Иванова. — М. : Весь мир, 2016.
2. Mercier Ythier J. (2022). *Economic Reason and Political Reason: Deliberation and the Construction of Public Space in the Society of Communication*. Wiley-ISTE; 1st edition. PP. 54–57, 242, 296.
 3. Rone J. (2020). *Contesting Austerity and Free Trade in the EU: Protest Diffusion in Complex Media and Political Arenas* (1st ed.). Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9781003081524>.
 4. Бурдьё П. Homo Academicus // Экономическая социология. №4. 2017. С. 91-119.
 5. Шубин А.В. «Красный май»: что это было? Новое прошлое / The New Past, no. 4, 2018, pp. 28-45.
 6. Fillieule O., Tartakowsky D. (2013). *La manifestation*. Presses de Sciences Po. <https://doi.org/10.3917/scpo.filli.2013.01>.
 7. Pélabay J., Sénac R. (2019). French Critical Citizenship: Between Philosophical Enthusiasm and Political Uncertainty. *French Politics*. 17. – doi : 10.1057/s41253-019-00095-5.
 8. Juris J.S. (2012). Reflections on #Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation. *American Ethnologist*, 39: 259-279.
<https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2012.01362.x>.
 9. Tucker A., Theocharis Y. «From liberation to turmoil: social media and democracy» // *Journal of democracy* № 28. 2017. P. 46-59. [Электронный ресурс] URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/from-liberation-to-turmoil-social-media-and-democracy/> (дата обращения 09.03.2022).
 10. Gutiérrez M. (2018). *Data Activism and Social Change*. Palgrave Studies in Communication for Social Change. (eBook) <https://doi.org/10.1007/978-3-319-78319-2>.
 11. Feenstra R., Flesher C. (2019) *Routledge Handbook of Contemporary European Social Movements Protest in Turbulent Times*. P. 315-339.
 12. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М.: Издательство «Весь мир», 2012. с. 134.
 13. Bail C. A. Emotional Feedback and the Viral Spread of Social Media Messages about Autism Spectrum Disorders. *American journal of public health*, № 106(7). P. 1173-1180. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4984751/> (дата обращения 09.03.2022).
 14. Tucker A., Guess A., Barberá P. (2018). *Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature* [Электронный ресурс] URL: <https://www.hewlett.org/wp-content/uploads/2018/03/Social-Media-Political-Polarization-and-Political-Disinformation-Literature-Review.pdf> (дата обращения 09.03.2022).
 15. Модестов С.А., Никитин Д.А. Социальные сети как театр информационного противоборства в условиях современной «гибридной» войны // *Вестник Академии военных наук*. 2019. № 3.
 16. Рогачев С.В., Виловатых А.В. Социальные движения в эпоху постправды // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 1 (58). С. 90-104.
 17. Meikle G. (2018). *The Routledge Companion To Media And Activism* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315475059>.
 18. Fillieule O., Jobard F. (2020). *Politiques du désordre. La police des manifestations en France*. Paris, Seuil, series: «Sciences humaines», p. 134.

19. Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. / — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
20. Foucault M., Guibert P. (2022). «Les Français veulent une présidence omniprésente», Sciences Po CEVIPOF, note de recherche [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/les-notes-de-recherche-par-vague-0.html> (дата обращения: 20.11.2020).
21. Antolin-basso D., Bono P.H., Cassor F. (2022). «Élection présidentielle française de 2022. Représenter l'incertitude dans les intentions de vote pour le 1er tour : une gageure ?»/ Sciences Po CEVIPOF [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/resultats-et-decryptages-par-vague.html> (дата обращения: 18.11.2020).
22. Melucci A. (1996). Challenging Codes: Collective Action in the Information Age (Cambridge Cultural Social Studies). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511520891
23. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; Отв. ред., предисл. Н. Шматко. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — 160 с. ISBN 5-7333-0041-8.
24. Depoliticizing discourses. The role of editorials in the reproduction of consensus: assessing the media coverage of the Yellow Vest movement, 2019. (Dissertation, Malmö universitet / Kultur och samhälle). [Электронный ресурс] URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:mau:diva-22874> (дата обращения 09.03.2021).
25. Costelloe L. Discourses of sameness: Expressions of nationalism in newspaper discourse on French urban violence in 2005 // Discourse & Society, № 25(3). P. 315–340.
26. Harsin J. (2015). Cultural Racist Frames in TF1's French Banlieue Riots Coverage. French Politics, Culture & Society, 33(3), 47-73. [Электронный ресурс] URL: <https://www.jstor.org/stable/26378243> (дата обращения 09.03.2021).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Статья, исходя из авторского заголовка, должна быть посвящена результатам изучения работ Ю.Хабермаса и П. Бурдьё в контексте вопросов политики, публичности и социальных движений. Содержание статьи, в целом, соответствует заявленному заголовку.

Методология исследования базируется на пересказе и цитировании трудов Ю.Хабермаса и П. Бурдьё. Автору рекомендуется осуществить критическое осмысление и содержательный анализ, а также представить результаты исследования не только словесно, но и графически.

Актуальность исследования вопросов политики, публичности и социальных движений не вызывает сомнения. При этом, выбор трудов указанных двух авторов в тексте рецензируемого материала не содержит какого-либо обоснования. При доработке статьи автору рекомендуется уделить пристальное внимание данной проблеме, а также показать значение исследования данных вопросов.

Научная новизна в представленном на рецензировании материале отсутствует,

авторские выводы обнаружить не удалось. Текст статьи построен на изложении содержания трудов Ю.Хабермаса и П. Бурдьё без каких-либо авторских суждений относительно рассматриваемых подходов.

Стиль, структура, содержание. Если оценивать стиль изложения по факту отсутствия просторечных выражений и высказываний публицистического стиля, то он является научным. Структура научной статьи не выстроена, что и отразилось на её качестве. При доработке статьи автору рекомендуется обозначить подзаголовки внутри статьи, которые бы нацеливали на поиск проблемной составляющей и поиск путей по их решению. Возможно, научные труды рассматриваемых учёных могут быть полезны в управлении социальными процессами на практике. При доработке статьи автору рекомендуется уделить внимание обсуждению всех приводимых суждений, а также формированию причинно-следственных связей между рядом находящимися абзацами.

Библиография. Автором сформирован библиографический список, состоящий из 13 источников, в том числе трудов авторов, заявленных в заголовке статьи. Ценно, что автор обращается к первоисточникам, что позволяет сформировать собственные выводы. Но, к сожалению, автор этого не делает, что снижает впечатление от ознакомления с содержанием рецензируемых материалов.

Апелляция к оппонентам. По тексту статьи автор делает отсылки к результатам исследований, проведенных другими авторами, в т.ч. и к трудам тех авторов, которые заявлены в заголовке статьи. При этом, было бы интересно сравнить подходы к изучению научных трудов Ю.Хабермаса и П. Бурдьё: возможно, какие-либо вопросы остались неизученными, возможно существуют варианты применения на практике.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом вышеизложенного, заключаем о необходимости доработки статьи по указанным в рецензии замечаниям. Отдельно следует подчеркнуть наличие потенциально ограниченного круга читательской аудитории ввиду узкой направленности темы научной статьи. Автору рекомендуется обозначить практическую значимость научного исследования по данной теме.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Двадцатый век без преувеличения стал веком политических партий и общественных движений, что наглядно показывает в первую очередь история Западной и Восточной Европы. На протяжении прошедшего столетия одни политические силы угасали (например, коммунистические идеи), другие, запрещались (фашизм и национал-социализм), общественные движения (те же экологи) зачастую активно вовлекались в политическую жизнь (так, например, было в эпоху Перестройки не только в СССР, но и практически во всех восточноевропейских странах. Заметим, что вторая половина XX в. с возросшими аудиовизуальными возможностями резко увеличила сферу публичной политики, а средства массовой информации не случайно все чаще именуют четвертой властью.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является публичная сфера как социально-культурная среда формирования и функционирования современных социальных движений. Автор ставит своими задачами рассмотреть трансформацию публичной сферы европейских государств, продемонстрировать влияние публичной сферы на формирование и осуществление деятельности социальных движений в современной Франции, а также определить роль публичной сферы в формировании общественных движений.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать публичную сферу как социально-культурную среду формирования и функционирования современных социальных движений, опираясь на работы Юргана Хабермаса и Пьера Бурдьё.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 26 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и французском языках. Из привлекаемых автором источников отметим труды собственно корифеев социологической мысли Ю. Хабермаса и П. Бурдьё. Из используемых исследований укажем на работы А.В. Шубина, С.А. Модестова и Д.А. Никитина и других специалистов, в центре внимания которых различные аспекты изучения социальных движений современности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей социальных движений, в целом, так и ролью масс-медиа в социальных движениях, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «анализ социальных движений, независимо от места их возникновения, сопряжен с рассмотрением публичной сферы, а также роли средств массовой информации в распространении и освещении демонстраций и акций протестов». Автор обращает внимание на то, что «если события мая 1968 года спровоцировали возникновение новых социальных движений, то на современном этапе общественные движения прошли путь радикальных преобразований»: «Новые коммуникационные технологии и публичная сфера трансформировали организацию социальных движений и способ мобилизации участников». Автор отмечает, что «П. Бурдьё косвенно подтверждает позицию Ю. Хабермаса, который пишет о том, в современном обществе гласность насаждается сверху и служит для манипуляции общественным мнением».

Главным выводом статьи является то, что «не только политические и экономические факторы становятся детерминантами причин возникновения демонстраций и протестных акций, но и сама структура политического поля, а также невозможность прямого вмешательства в принятие политических решений заставляет французов искать решение проблем в рамках общественных движений».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках исследований социальных движений современности.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Социодинамика».

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Полубояринов А.Р. — Идеология в социальном пространстве: характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.40021 EDN: UVZZUL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40021

Идеология в социальном пространстве: характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё

Полубояринов Андрей Романович

аспирант, кафедра социальной философии, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Улица миклухо-Маклая, 10к2, оф. 606

✉ poluboyarinovandrey@yandex.ru

[Статья из рубрики "Мораль и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.40021

EDN:

UVZZUL

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2023

Дата публикации:

04-05-2023

Аннотация: В статье рассматривается идеология как определенного вида социальное поле в социальном пространстве, а также представлен анализ вклада теории Пьера Бурдьё в изучение идеологии. На основе работ Пьера Бурдьё вводятся такие понятия, как идеологическое поле и идеологический капитал. Идеологическое поле представляет собой систему объективных социальных отношений, обеспечивающих производство и воспроизводство идеологий и их структур. В статье автор устанавливает специфические закономерности функционирования идеологического поля и идеологического капитала. Основными целями идеологического производства являются увеличение и приращение доходности, влияния и власти, а также «прибавочного значения». В соответствии с теорией Пьера Бурдьё различия в социальном пространстве и социальных полях продуцируются в силу определенного распределения капитала и неравномерного соотношения его частей. Идеологическое поле, так же как и другие социальные поля, является местом конкуренции и борьбы разнонаправленных антагонистических социальных сил. Идеологическое пространство состоит из «узловых точек» и

«плавающих означающих», которые пристегиваются к «узловым точкам» в зависимости от выделяемого ими «прибавочного значения». Основным стимулом развития идеологического капитала, как и экономического капитала, и других форм капитала, является стремление к самовоспроизводству, самовозрастанию и накоплению. Идеологический капитал представляет собой совокупность самовоспроизводящихся и самовозрастающих идей и убеждений, претендующих на господство в обществе. Итак, применение и развитие социальной теории Пьера Бурдьё по отношению к идеологии открывает возможность анализа реальных социальных практик агентов и институций, их стратегий и интересов.

Ключевые слова:

философия, социальная философия, социальное пространство, социальная теория, социальное поле, идеология, идеологическое поле, капитал, идеологический капитал, Пьер Бурдьё

Введение. Характерной особенностью социальной теории Пьера Бурдьё является описание социального пространства, которое состоит из множества социальных полей, функционирующих по свойственным им закономерностям. В данной статье автор предлагает рассмотреть, как законы социального пространства, определенные Пьером Бурдьё, проявляют себя в особом месте, а именно, в поле идеологического производства. Основной тезис состоит в том, что сущность идеологии выражается в производстве особого рода социальных условий, то есть в определенном состоянии структуры и функционирования идеологического поля.

Новизна исследования заключается в трактовке идеологии как формы капитала в социальном пространстве, имеющего собственную структуру идеологического поля и организованного на основании свойственных ему закономерностей, а также осуществляющего производство и воспроизводство собственной структуры.

Идеологическое поле является таким же полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями, однако в этом поле все эти неизменные составляющие облекаются в специфическую ему форму.

Социальные поля и практики в теории Пьера Бурдьё, подобно кольцам Сатурна, вращаются вокруг агентов в социальном пространстве, одновременно являясь внешними объективными и внутренними интериоризированными структурами агента. Рейвин Коннел отмечает, что для Пьера Бурдьё «общество или социальная формация, интерпретируемые на одном уровне, есть само-восстанавливаемая сеть структур, где действуют акторы с поистине необъятным числом стратегий. Посредством воплощения этих стратегий в жизнь структуры общества воспроизводят сами себя» [\[1, с. 21\]](#).

Идеология в работах Пьера Бурдьё. В своих работах Пьер Бурдьё не дает представления о функционировании идеологического поля. Более того, он не вводил и не рассматривал идеологическое поле как самостоятельное социальное поле. Наиболее важный вклад в его понимание идеологии вносят работы «Социальное пространство и символическая власть» и «О символической власти». Концепцию идеологии Пьер Бурдьё выводит из концепции символического социального поля и символического капитала.

Символический капитал представляет собой особую форму капитала, которая является

вторичной по отношению к другим формам. «Символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, поскольку отношения символической власти стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, образующих структуру социального пространства... объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти» [2, с. 80]. Итак, символический капитал является символическим выражением других форм капитала, в тоже самое время он представляет собой высшую форму власти. «Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов» [2, с. 84].

Символ, который становится не только отражением иных форм капитала, но и претендует на замещение этих форм (философских, религиозных, юридических и прочих), преобразуя в неузнаваемом виде все другие отношения, становится идеологией. Иными словами, идеология возникает тогда, когда под легитимным видом символический капитал преобразует и подменяет остальные формы капитала. Символическая система, возведенная в ранг монополии и получившая автономность, становится идеологической системой. «Благодаря соответствию между структурами выполняется собственно идеологическая функция господствующего дискурса – структурированного и структурирующего медиума, стремящегося навязать восприятие установленного порядка как естественного (ортодоксия) посредством замаскированного внушения... систем классификации и ментальных структур, объективно подогнанных к социальным структурам» [2, с. 94].

Для каждого вида капитала в теории Пьера Бурдьё существует свое собственное отображение в символическом капитале, то есть, к примеру, экономический капитал имеет свойственное ему символическое отображение. В тот момент, когда символический капитал не только ложно указывает на порождающий его капитал, но и стремится навязать ложную и чуждую символическую систему одного социального поля другому, тогда такой символический капитал, движимый империалистическими амбициями, становится идеологическим. Например, это происходит, когда символическая система научного поля вытесняется и подменяется символической системой политического поля, сквозь символы которого становится невозможно узнать реальные отношения в научном социальном поле.

Критика социальной теории Пьера Бурдьё. Однако «расширенная модель» капитала, который распространяется на культурную, символическую и другие сферы часто подвергается критике. Рейвин Коннел, анализируя социальную теорию Пьера Бурдьё, подчеркивает, что «французский исследователь значительно расширяет понятие «рынка», перенося свою теоретическую аргументацию на вроде бы «не-рыночные» сферы... у Бурдьё аргумент «от рынка» действует даже там, где никакого рынка нет и в помине» [1, с. 21]. Для Пьера Бурдьё, как и для Карла Маркса капитал представляет собой сложившуюся систему социальных отношений, однако «новые капиталы», несмотря на практическую направленность социальной теории французского социолога, остаются до конца не проясненными. «Капитал является базовым принципом объяснения в произведениях Пьера Бурдьё, но при этом капитал сам адекватно не объяснен» [3, с. 327]. В отличие от Карла Маркса у Пьера Бурдьё не просматривается отчетливая концепция капитала и его материальных законов, а «капитал», «производство», «воспроизводство» и тому подобные заимствования из экономики используются, скорее, в метафорическом и метафизическом смыслах, что придает его исследованиям псевдоэкономический характер, о чем пишет Матье Десан. Хотя Фредерик Лебарон подчеркивает, что отсылка

к экономическим моделям является только средством для формирования социальной теории и анализа более сложных культурных и символических систем [4, с. 551]. Крейг Калхун утверждает, что социальная теория Пьера Бурдьё полностью лишена идеи капитализма, в ней нет представления о процессе экономического производства и труда, а «новые капиталы» возникают посредством абстракции [5, с. 69]. В ответ Пьер Бурдьё, говоря об отсутствии непосредственно экономического обоснования «новых капиталов», ссылается на то, что экономика – это не его сфера [6, с. 139]. Капитал служит универсальным ответом и универсальной причиной социальных явлений в теории Пьера Бурдьё, однако его природа остается вне анализа, что составляет одно из различий между подходами Карла Маркса и Пьера Бурдьё к рассмотрению социальных явлений.

Характеристика идеологического поля. Развивая идеи общей теории практики Пьера Бурдьё, можно утверждать, что идеология имеет социальное измерение. Система объективных социальных отношений, порождаемая идеологией, формирует идеологическое поле. Основной продуцирующей силой любого социального поля является капитал, в данном случае идеологический капитал.

Рассуждение об идеологическом капитале и порождаемых им интересах позволяет отмежеваться от различий, которые в скрытом виде неотступно сопровождают все рассуждения об идеологиях. При рассмотрении идеологии как системы социальных отношений становится возможным сфокусировать анализ на конкретных практиках и социальных отношениях, которые складываются между агентами в обществе, а не углубляться в отдельные идеологические споры и фундаментальные непреодолимые противоречия, существующие между теоретическими предпосылками разных идеологий.

Из строгого определения идеологического поля как объективного пространства игры, где задействованы специфические ставки, следует, что было бы напрасно проводить разграничение между сугубо теоретическим действием идеологии и сугубо социальными идеологическими практиками, которые обычно находятся в диалектической взаимосвязи.

Идеологическое поле является местом конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на господство той или иной идеологии в обществе. Борьба за идеологический капитал, который обеспечивает власть над конструирующими механизмами поля и который может быть конвертирован в другие виды капитала, характеризуется специфическим характером конкуренции, в которой производители могут достичь признания ценности своей продукции в виде идеологии через либо субординацию, либо устранение других производителей. «Идеологические товары» зачастую не терпят присутствия конкурентов в рамках одного идеологического поля. Конкуренты в борьбе за идеологический капитал не могут ограничиться дистанцированием друг от друга и от уже сформированных идеологических течений, но вынуждены постоянно самоактуализировать свои идеи ради установления их господства в обществе.

Борьба, в которую каждый из агентов должен быть вовлечен, всегда имеет целью достижения такой власти, позволяющей навязать конкретную идеологию, которую предлагает ее производитель. Таким образом, доминирующими становятся те, кому удалось добиться наиболее широкого распространения идеологии в обществе, которая предписывает иметь, быть и делать то, что производитель имеет, кем он является и что он делает.

Как отмечает Пьер Бурдьё, что «определение целей борьбы является целью борьбы» [2,

[с. 481](#)], так у идеологий без конца возникают противоречия и конфликты, целью которых является провозглашение легитимности какой-то одной идеологии и оспаривание легитимности остальных. Обращаясь к теории Пьера Бурдьё, можно отметить, что в социальных полях «не существует инстанции, легитимирующей инстанции легитимации; легитимность требований легитимности зависит от относительной силы групп, чьи интересы эти требования выражают» [\[2, с. 482\]](#). Это же справедливо и для идеологического поля, в котором легитимность идеологии зависит от размера идеологического капитала и соотношения социальных сил, поскольку само определение критериев суждения и принципов иерархизации является целью борьбы.

Идеологический капитал является особым типом капитала, который может накапливаться, передаваться и конвертироваться в другие типы капитала. В работе «Формы капитала» Пьер Бурдьё говорит о том, что различные формы капитала могут конвертироваться и переходить из одной формы в другую. «Возможность конвертации [convertability] различных типов капитала служит основой стратегий, направленных на обеспечение воспроизводства капитала (и позиции, занимаемой его обладателем в социальном пространстве) посредством превращений, минимизирующих затраты и потери, с которыми сопряжено само превращение» [\[7, с. 72\]](#). Аналогичным образом экономический, социальный, культурный, символический и прочие формы капитала могут трансформироваться в идеологический капитал и наоборот. Однако обособление идеологического капитала не означает, что он оторван от других форм капитала или от некоторого экономического базиса. Конвертация различных форм капитала, предложенная Пьером Бурдьё, обеспечивает возможность перехода средств, которые ранее были направлены на экономические нужды, в идеологическое русло, трансформируя и преобразуя соответствующим образом экономические отношения в идеологические.

Структура идеологического поля определяется в каждый данный момент состоянием соотношения сил между участниками борьбы, агентами или институтами, то есть структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институтах и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институтов в нынешней борьбе. Стратегии социальных агентов каждый раз будут зависеть от структуры идеологического поля и конфигурации характерных для него властных отношений. В связи с чем доминирующие идеологии тяготеют к усилению своего господства, так как силы поля скоординированы определенным образом.

Форма, которую приобретает идеологическая и одновременно политическая борьба за легитимность, зависит от структуры поля, то есть от структуры распределения капиталов между участниками борьбы. Идеологическое поле в отличие от других социальных полей не всегда является местом равной борьбы между агентами, которые наделены сопоставимыми капиталами и социальной силой. Идеология стремится к установлению монополии в обществе на определенные идеи и убеждения, что делает ее безжалостной по отношению к своим конкурентам в своих самых фундаментальных предпосылках. Если производитель идеологии добивается установления государственной монополии на идеологию, то он выводит из игры остальные идеологии, очевидным образом нарушая все правила равной конкуренции. В таком случае повышаются ставки как для выведенных на время из игры идеологий, так и для самой господствующей идеологии, поскольку победа вытесненных идеологий подставит под сомнение фундаментальность и абсолютность принципов идеологии монополиста.

Идеология не имеет иного основания, кроме системы конкурирующих коллективных агентов, которые производят и предполагают само функционирование идеологического поля. Объективное оркестрирование практических схем, внушаемых всей социальной средой, которое является основанием практического консенсуса в отношении целей, предлагаемых полем, то есть в отношении проблем, методов и решений, немедленно распознаваемых как идеологические, находит свое собственное обоснование в совокупности институциональных механизмов, которые обеспечивают социальную селекцию идеологий и подготовку отобранных агентов. Таким образом, встает вопрос о степени проникновения идеологии, производимого функционированием поля и являющегося условием его функционирования.

Идеологическое поле обеспечивает производство и воспроизводство идеологических структур. Каждая структура при этом стремится к сохранению своей гомогенности. Центром идеологической структуры является узловая точка или ядро идеологии, то есть ряд смыслов, значений и средств, которые являются структурирующими структурами идеологии. Именно к этим узловым точкам «пристегиваются» остальные означающие идеологического поля. От центра происходит рассеивание идеологии как в качестве дискурса, так и в «плавающих означающих». Чем дальше от ядра, тем смысл идеологических понятий приобретает более расплывчатый и менее однозначный характер.

В идеологическом пространстве содержатся несопряженные, несвязанные друг с другом элементы – «плавающие означающие». Они пристегиваются к «узловым точкам» в зависимости от выделяемого ими «прибавочного значения». Например, к идеологическому полю «коммунизм» пристегивается «классовая борьба» или «демократия», которая становится иной по отношению к «демократии», прикрепленной к «либеральному» полю. «Тотализация этого свободного течения идеологических элементов осуществляется «пристегиванием» – останавливающим, фиксирующим это течение, то есть превращающим его в часть упорядоченной системы значений» [\[8, с. 93\]](#).

Пьер Бурдьё был знаком с работами Луи Альтюссера, в которых трактуется социальный универсум как аппарат, и продолжает анализировать аппарат и место аппаратчика в нем. «Аппаратчик, всем обязанный аппарату, – это аппарат, ставший человеком, и на него можно возложить самую высокую ответственность, потому что он, добиваясь осуществления своих интересов, ничего не может делать, не способствуя ео ipso защите интересов аппарата» [\[9, с. 138\]](#). В процессе исторического развития в обществе выделяется идеологический аппарат, который обеспечивает конструирование идеологического пространства. Пьер Бурдьё отмечает, что в ходе углубления разделения труда, появления крупных политических бюрократий, а также институций, осуществляющих подготовку профессионалов в области идеологии [\[9, с. 186\]](#), идеологическое производство становится более автономным. Размер и качество идеологического поля и входящих в него идеологических структур определяет ее доходность и прибавочную стоимость, выражающуюся также в «прибавочном значении».

Увеличение и приращение доходности, влияния и власти, а также «прибавочного значения» становятся основными целями идеологического производства. «Прибавочное значение» складывается из того, сколько дополнительного смысла и информации привносит идеология к уже имеющемуся базису. Например, понятие «свобода», присвоенная либеральной идеологии, будет иметь определенный нарос либеральных теорий и смыслов; это же понятие «свобода» в коммунистической идеологии приобретет содержание, которое вполне вероятно, что может пересекаться в некоторых положениях

с либеральной трактовкой, однако именно тот дополнительный смысл, которым наделяется понятие, когда воспроизводится в рамках той или иной идеологии, определяет «прибавочное значение» идеологического капитала. Стоит заметить, что подобно тому, как у Клода Леви-Стросса «мифологическая мысль признает природу лишь тогда, когда способна ее воспроизвести» [\[10, с. 324\]](#), идеология поглощает и производит только те смыслы и понятия социальной действительности, которые могут быть ей воспроизведены и встроены в ее структуру.

Как и у других форм капитала, в частности экономического капитала, у идеологического капитала возможно выделить наиболее общие закономерности и свойства, которые заключаются в стремлении к самовоспроизводству, самовозрастанию и накоплению, а также поглощению малых идеологий более крупными. Идеологический капитал оказывает комплексное воздействие как на уровне отдельных индивидов (микроуровень), так и на уровне социальных групп (макроуровень). Законы и принципы свойственные капиталу как таковому будут свойственны также различным его формам.

Идеологический капитал проявляется не только в наличии различных материальных средств и инфраструктуры формирования и распространения идеологии. Хотя нельзя не отметить, чем значительнее материальные ресурсы идеологического капитала, что выражается в наличии контроля над средствами массовой информации, средствами печати и информационно-телекоммуникационными каналами, тем большее место в социальном пространстве способен он занять.

Идеологический капитал представляет собой совокупность самовоспроизводящихся и самовозрастающих идей и убеждений, претендующих на господство в обществе. По утверждению Пьера Бурдьё различие в социальном пространстве как между социальными полями, так и внутри них предопределяется различием в соотношении капитала. Именно распределение капиталов формирует идеологическое поле внутри социального пространства.

Заключение. Пьер Бурдьё рассматривал идеологическую систему как составляющую символического капитала, сущность которой заключается в подмене и вытеснении в неузнаваемом виде остальных форм капитала, которые приобретают чуждую для них символическую систему. Несмотря на то, что Пьер Бурдьё в своих работах затрагивал широкую проблематику социального пространства, исследуя такие социальные поля, как экономическое, политическое, религиозное, поле науки, литературы и прочие, непосредственно идеологическое социальное поле было для него *terra incognita*. Введение понятий идеологического социального поля и идеологического капитала позволило выстроить и объяснить образующую ими систему объективных социальных отношений, а также установить определенные закономерности их функционирования. Изучение идеологии как социального поля в социальном пространстве со свойственными ей структурами и системами делает возможным приблизиться к реальным социальным практикам, которые используют социальные агенты в своей жизнедеятельности.

Библиография

1. Коннел Р. «Северная теория»: политическая география общей социальной теории / Р. Коннел // Теория и общество: Т.35, № 2, 2000, с. 291-296.
2. Бурдьё П. Социальные пространства: поля и практики. – СПб.: Алетейя, 2017, с. 576.
3. Десан М.Х. Бурдьё, Маркс и капитал: критика расширенной модели / М.Х. Десан // Социологическая теория: электронный журнал, Т.31, № 4, с. 318-342. URL:

<http://www.jstor.org/stable/43187343> (дата обращения 17.03.2023).

4. Калхун К. Габитус, поле и капитал: вопрос исторической спецификации / К. Калхун // Бурдьё: критический анализ: Чикаго, Издательство университета Чикаго, 1993, с. 61-89.
5. Лебарон Ф. Экономические модели против экономизма / Ф. Лебарон // Теория и общество: Т. 32, с. 551-565. URL: <http://www.jstor.org/stable/3649651> (дата обращения 17.03.2023).
6. Бурдьё П. Социология под вопросом / П. Бурдьё // Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии института социологии РАН. – М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2005, с. 142.
7. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология: электронный журнал, Т.3, № 5, 2002, с. 72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения 22.11.2022).
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999, с. 236.
9. Бурдьё П. Социология социального пространства. – СПб.: Алтейя, 2017, с. 288.
10. Леви-Стросс Клод. Мифологии. В 4-х тт. Том 1. Сырое и приготовленное. М.: Университетская книга, 1999, с. 406.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Идеология в социальном пространстве характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё» предмет исследования – идеология, а точнее идеологическое пространство. Хотя цель исследования в самой работе и не конкретизирована, но она вытекает из названия работы. Основной тезис состоит в том, что идеология связана с определенным состоянием структуры и функционирования идеологического поля.

Методология исследования базируется на теории социального пространства Пьера Бурдьё, согласно которой такое пространство состоит из множества социальных полей, функционирующих по свойственным им закономерностям. Но сама социальная теория подвергается критике в части воспроизводства капиталов, а точнее их количества. В данной статье автор предлагает рассмотреть, как законы социального пространства, определённые Пьером Бурдьё, проявляют себя в поле воспроизводства идеологии. Автор исходит из того, что при рассмотрении идеологии как системы социальных отношений становится возможным сфокусировать анализ на конкретных практиках и социальных отношениях, которые складываются между агентами в обществе.

Актуальность исследования определяется тем, что идеология остается неотъемлемым фактором организации общественной жизни. Более того, в современных условиях противостояния идеологический фактор становится определяющим. Данное обстоятельство объясняет необходимость проведения объективного анализа сущности идеологии. Необходимо философское осмысление обозначенной проблематики, что и возможно сделать в рамках концепции Пьера Бурдьё.

Новизна исследования состоит в трактовке идеологии как формы капитала в идеологическом социальном пространстве. Автор определяет идеологический капитал

как совокупность самовоспроизводящихся и самовозрастающих идей и убеждений, претендующих на господство в обществе. При этом идеологическое поле рассматривается как место конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на господство той или иной идеологии в обществе. Введение понятий идеологического социального поля и идеологического капитала позволяет выстроить и объяснить образующую ими систему объективных социальных отношений, а также установить определённые закономерности их функционирования.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью и грамотностью изложения. Выводы, сформулированные в статье, в целом обоснованы. Содержание соответствует требованиям научного текста.

Библиографический список включает 10 работ, включающих публикации самого Пьера Бурдьё, его критиков, а также работы по идеологии. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области нельзя признать в полной мере корректной.

Таким образом, статья «Идеология в социальном пространстве характеристика структуры идеологического поля на основе социальной теории Пьера Бурдьё» имеет научно-теоретическую значимость. Она будет представлять интерес для специалистов области теории социологии и политической социологии. Работа может быть опубликована.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Попандопуло О.А. — Профессиональная ориентация молодых людей как фактор эффективного развития рынка труда // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.37162 EDN: UZZEFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37162

Профессиональная ориентация молодых людей как фактор эффективного развития рынка труда

Попандопуло Ольга Александровна

ORCID: 0000-0003-0630-7241

кандидат философских наук

доцент, Волгоградский государственный университет

400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Маршала Воронова, 24, кв. 367

✉ olga_popandopulo@list.ru

[Статья из рубрики "Человек и труд"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.37162

EDN:

UZZEFG

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2021

Дата публикации:

04-05-2023

Аннотация: Профессиональная ориентация молодежи, осуществляемая специалистами государственной службы занятости населения, является одним из основных инструментов регулирования рынка занятости. В отечественной и зарубежной практике существует множество работ, посвященных исследованию особенностей формирования профессиональной идентичности молодых людей и влияния профессиональной ориентации на рынок труда и общество в целом. Однако можно наблюдать проблему отсутствия комплексного социально-философского анализа эффективности технологий профессиональной ориентации молодежи в рамках государственной службы занятости населения. В этой связи, предметом исследования выступает роль профессиональной ориентации молодежи в процессе формирования рынка занятости населения. По результатам социально-философского анализа исследуемого социального явления были выявлены существующие организационно-управленческие проблемы в процессе предоставления государственной услуги по профессиональной ориентации. Поэтому в рамках исследования были проанализированы и выявлены факторы, способствующие

совершенствованию управленческой деятельности специалистов в сфере содействия занятости молодежи. Таким образом, полученные результаты могут быть применимы профильными специалистами государственного и муниципального управления в целях повышения эффективности профессиональной ориентации молодых граждан. Внедрение итогов исследования в практическую деятельность может способствовать более рациональному распределению трудовых ресурсов и решению проблемы занятости молодежи.

Ключевые слова:

Профессиональная ориентация, молодежь, рынок труда, молодежная политика, идентичность, профессиональное самоопределение, профессиональное самосознание, человеческий капитал, трудовой потенциал, кадровая политика

Исследование выполнено за счет гранта Президента РФ № МК-2042.2020.6 (соглашение 075-15-2020-423 от 16.03.2020)

Молодежь, молодые граждане – это социально-демографическая группа, находящаяся на этапе жизненного и трудового самоопределения и обладающая набором специфических черт, которые отличают ее от других социальных групп. Согласно Федеральному закону № 489-ФЗ от 30.12.2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации», молодыми гражданами считаются лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно [\[1\]](#). Именно в этот период имеет первостепенное значение государственное стимулирование и поддержка развития потенциала молодых людей. Во многих странах молодежь является особым объектом эффективной социальной политики, в рамках которой происходит связь интересов и потребностей молодого поколения с ожиданиями и потребностями общества. Молодежь – это важнейший инновационный и стратегический ресурс любого общества, поэтому молодежная безработица имеет наиболее угрожающие последствия для дальнейшего развития государства.

Безработица молодежи – это социально-экономическое явление, при котором трудоспособные молодые люди находятся в процессе поиска работы и немедленно готовы приступить к ней, но не могут реализовать гарантированное государством право на труд. При этом происходит потеря средств к существованию, что может привести к нарушению материального положения и негативным последствиям для нравственного, психического и социального положения молодого человека [\[2\]](#). В итоге отсутствие постоянной занятости среди молодых людей приводит к массовой безработице, что вызывает негативные проявления как в сфере социальной жизни общества, так и в сфере экономики и регулирования занятости населения.

Высокий уровень безработицы среди молодых людей в настоящее время является неоспоримым фактом. По результатам опроса сервиса «Работу.ру», во II квартале 2020 г. доля резюме, опубликованных людьми в возрасте до 30 лет, составила более 40% [\[3\]](#). Безработица является не только индикатором экономической нестабильности в стране, которая была вызвана в том числе пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, но и одной из наиболее значимых социально-экономических проблем современности.

Для понимания положения молодежи на российском рынке занятости населения необходимо выделить три основные возрастные группы. Первая группа – это подростки в возрасте от 14 до 18 лет. Данная возрастная группа включает в себя учащихся общих

образовательных организаций и средних специальных учебных заведений. Эта категория не вовлечена в трудовую деятельность, но уровень материального состояния большинства семей заставляет молодых людей этой группы активно искать место для трудоустройства после получения профессионального образования. Поэтому трудовые перспективы для этих подростков неблагоприятны. Можно говорить о том, что существует реальная опасность остаться в сфере низкоквалифицированного труда. Это может привести к тому, что произойдет люмпенизация таких работников и случится их переход к маргинальному образу жизни. С другой стороны, эпизодическое участие обучающихся в трудовой деятельности можно оценивать как положительное явление, которое отвечает интересам не только самого молодого человека и его семьи, но и интересам общества. Однако для данной возрастной группы необходимо создание специальных условий для труда, то есть требуется повышенная ответственность и внимание со стороны работодателей. Поэтому многие наниматели не стремятся предоставлять вакансии для несовершеннолетних.

Вторая группа представлена молодыми людьми в возрасте от 18 до 25 лет. Студенты, которые готовятся завершить профессиональное обучение, и выпускники образовательных учреждений являются наиболее уязвимой категорией на рынке занятости населения, так как не имеют необходимого социального опыта и достаточного трудового стажа. В этой возрастной группе большинство молодых людей стремится к постоянной занятости. Среди характеристик, которые имеют решающее значение в процессе поиска работы, на первый план выходят гарантии занятости, достойным размер заработной платы и возможность карьерного роста.

Последней группой являются молодые люди в возрасте от 25 до 35 лет. Представители этой возрастной группы уже сделали свой профессиональный выбор, имеют определенную квалификацию и жизненный опыт. Поэтому они предъявляют более высокие требования к будущему месту работы, которые далеко не всегда совпадают с имеющимися вакансиями на рынке труда [\[4\]](#).

Можно говорить о том, что у молодежи есть определенные трудности, связанные с трудоустройством. Существующие проблемы не являются универсальными для всех молодых людей, так как каждая возрастная группа характеризуется своими особенностями поиска работы, которые объясняются прохождением определенного жизненного этапа.

При этом у молодых людей первых двух возрастных групп наблюдается недостаток профессиональных знаний, навыков и опыта, что является основной причиной выбора работодателем квалифицированных соискателей при приеме на работу. Молодых специалистов, которые впервые пришли на рынок труда и не имеют достаточного опыта, принято относить к социально уязвимой группе населения во всех странах мира. Непродолжительный трудовой стаж, в большинстве случаев, становится поводом для назначения минимального размера заработной платы. Негативными факторами для работодателей также являются необходимость предоставления льгот и отпусков в связи с рождением детей и их воспитанием для девушек, трудовая нестабильность молодых людей из-за обязательного призыва на срочную службу в армию. С другой стороны, нельзя игнорировать влияние объективных факторов на формирование и функционирование рынка труда в России: нестабильная социально-экономическая ситуация, отсутствие взаимосвязи между системой профессионального образования и потребностями работодателей, отсутствие системы распределения выпускников и ряд других проблем заставляют молодых специалистов искать работу за пределами нашей

страны.

Получается ситуация, когда молодые люди не могут трудоустроиться на работу с достойными условиями труда, потому что в глазах работодателей выпускники организаций профессионального образования не обладают рядом конкурентных преимуществ (например, наличие трудового стажа) и несут за собой ряд рисков, при которых соискатель может в любой момент покинуть текущее место работы. При этом проблему трудоустройства молодых специалистов усугубляют влияние нескольких факторов – необходимость быстрого трудоустройства после окончания профессионального обучения для обеспечения стабильного заработка, не востребованность полученной профессии на региональном рынке труда. Последняя проблема наиболее характерна для молодых людей в возрасте до 27 лет, которые часто поступают в образовательные организации высшего образования для того, чтобы получить отсрочку от призыва на военную службу.

Ситуация с нерациональным распределением трудовых ресурсов является серьезной проблемой не только на уровне всего социума (например, процесс функционирования рынка занятости населения), но и на личностном уровне для каждого молодого человека. Именно для молодежи вопрос определения своего места и выбора будущей профессии, а также выбора потенциальной профессиональной образовательной организации, является наиболее актуальным, так как именно в этот период происходит процесс социализации человека, формирования его социальной идентичности, то есть адаптации к ожиданиям и потребностям общества, социальной группы.

Идентичность – это многогранный феномен, включающий в себя процессы осознания жизненных целей, установок (самоидентичность) и мотивов. Профессиональная идентичность – это результат слияния процессов развития личности и профессионального самоопределения. Именно процесс формирования профессиональной идентичности будущих трудовых ресурсов, молодых людей, является одним из основных факторов по созданию условий для нормального функционирования рынка занятости населения.

Можно говорить о том, что вопрос формирования профессиональной идентичности личности на протяжении всего процесса социализации человека, начиная со школьного возраста, является важным аспектом жизни современного общества. Правильно сформированная профессиональная идентичность оказывает влияние на жизнь конкретного молодого человека, его цели, самооценку и успех его профессиональной карьеры. Кроме этого, степень идентификации молодого специалиста с профессиональным сообществом, степень принятия идей определенной профессии позволяет определить вклад человека в общество посредством оценки результатов его профессиональной деятельности [\[5\]](#).

Поэтому для помощи в профессиональном самоопределении гражданам с учетом актуальной ситуации на рынке труда существует система профессиональной ориентации.

К настоящему времени в отечественной и зарубежной практике понятие «профессиональная ориентация» имеет длительную историю. Профориентация – это очень объемное понятие и различные исследователи могут по-разному его трактовать. Например, в междисциплинарном педагогическом словаре под профориентацией понимается «научно-практическая система подготовки молодых людей к свободному, самостоятельному и сознательному выбору профессии с учетом интересов личности, индивидуальных особенностей и потребностей рынка труда. Профориентация

осуществляется через информирование, консультирование, диагностику, отбор, коррекцию и адаптацию».

По нашему мнению, достаточно комплексное определение понятия «профессиональная ориентация» дает Л. А. Йовайша. Профориентация – это «специально организованная система образовательной и воспитательной работы, которая ставит целью формирование профессиональной направленности учащихся, их способностей к сознательному выбору профессии с учетом потребностей общества и оказание им помощи в самоопределении при выборе». К. К. Платонов определяет профессиональную ориентацию как комплекс мероприятий, которые направлены на выявление личностных интересов, способностей и особенностей каждого человека для оказания ему помощи в рациональном выборе специальности (профессии), в большей степени соответствующей его индивидуальным возможностям [\[6\]](#).

Можно сделать вывод о том, что профессиональная ориентация – это совокупность социальных, медицинских и психолого-педагогических мероприятий, которые направлены на формирование профессионального самоопределения у молодежи с учетом их интересов, склонностей, способностей, а также с учетом потребностей социума в специалистах определенного профиля. Важно, чтобы человек выбрал профессию, которая будет соответствовать его способностям и интересам, чтобы он испытал удовлетворение от выбранной работы и был успешен на ней, что позволит обеспечить пользу для всего общества.

Существует два основных вида профессиональной ориентации личности: внутренняя и внешняя профориентация. Внешняя профессиональная ориентация – это деятельность по информированию граждан о существующих возможностях трудоустройства, выявление у них способностей и личностных потребностей, развитие определенных умений и навыков, накопление ими опыта и помощь в выборе направления профессионального обучения или переобучения. В выборе будущей профессии на молодого человека оказывают влияние ряд агентов социализации: родители, друзья, родственники, представители школы, в частности учителя, специалисты профильных социальных служб (например, инспекторы государственной службы занятости населения) и т.д.

Внутренняя профессиональная ориентация – это деятельность, которая направлена на введение новых работников предприятия или организации в курс их профессиональных задач на новом месте работы, на знакомство их с непосредственными руководителями и представителями профессионального коллектива. Работой по профессиональной адаптации новых сотрудников организации, как правило, занимается отдельное лицо в небольшой компании или отдел кадров, отдел обучения, HR специалисты в крупных компаниях [\[7\]](#).

Можно говорить о том, что помощь в профессиональном самоопределении молодым людям происходит в рамках внешней профессиональной ориентации, и она должна осуществляться со стороны представителей общественных институтов и отдельных агентов социализации личности. Однако решение этого важнейшего вопроса очень часто происходит случайно, стихийно и опирается на существующие стереотипы, а молодым людям не оказывается достаточная помощь в процессе профессионального самоопределения.

Процесс выбора профессии играет важную роль в развитии подрастающего поколения любого государства, поэтому важно организовать поддержку молодым людям, оказать им содействие в решении возникающих проблем в процессе анализа рынка занятости

населения. Сложность выбора профессии и организации профессионального образования заключается в том, что предпочтение определенной профессии – это означает отказаться от других альтернатив, которые могут кардинально изменить образ жизни молодого человека. Именно деятельность по профессиональной ориентации учащихся в общих образовательных организациях должна помочь решить вопросы социализации личности подростка, в том числе в сфере формирования профессиональной идентичности личности молодого человека. Профессиональное самосознание – это одна из важнейших составляющих самосознания любого человека [8].

Общество – это динамичная система, в рамках которой происходит постоянное отмирание старых и появление новых профессий во всех сферах общественной жизни. Поэтому образование, профориентация и трудоустройство должны быть подчинены не только интересам самого молодого человека, но и соответствовать актуальной ситуации на рынке занятости населения. Большая часть деятельности государственных служб занятости населения и частных кадровых агентств строится на получении информации от работодателей и передаче ее соискателю и наоборот, то есть человек не получает в рамках профессиональной ориентации не только новых умений и навыков, но и конкретных вакансий, которые соответствовали бы его личным интересам и возможностям.

Существенной проблемой в процессе развития системы профессиональной ориентации является то, что она рассчитана на определенный усредненный тип человека. Отсутствует индивидуальный и дифференцированный подход к молодому человеку, который находится на этапе выбора профессии. В ходе профориентации используются декларативные методы, без практической составляющей. Это означает, что молодые люди не могут проверить свои теоретические знания и способности в различных видах профессиональной деятельности.

Неправильная система профориентации приводит к тому, что уже трудоустроенные люди работают неэффективно. Они становятся подвержены внутренним депрессиям и стрессам, что негативно влияет на их психофизическое состояние и результаты профессиональной деятельности, то есть такие люди не приносят значимого вклада в жизнь социума посредством достижения высоких показателей в своей сфере профессиональной деятельности. Полное отсутствие системы профессиональной ориентации приводит к потере большого количества времени молодым человеком на первичное самоопределение. При этом возрастает риск того, что молодой человек сделает неправильный выбор своей будущей профессии, основываясь не на своих предпочтениях и способностях, интересах общества и государства, а на мнении других людей и устоявшихся стереотипов. Таким образом, будут происходить растраты человеческого капитала, которые можно было бы избежать при наличии грамотной системы помощи в профессиональном определении, эффективной системы образования. Согласованное действие вышеперечисленных систем позволило бы создать условия для самореализации молодых людей, что привело бы к быстрому развитию в различных областях жизни общества: науке, культуре и т.д.

Профессиональная ориентация молодых людей играет важную роль в процессе кадрового обеспечения, которое находится в состоянии постоянного изменения. Кроме того, существует ряд проблем в социальном контексте, которые должны решаться в рамках системы профориентации граждан: информирование граждан об исчезновении ряда старых профессий и появлении альтернативных специальностей с учетом последних

изменений на рынке занятости населения, которые происходят под влиянием технико-технологического прогресса. В этом случае профессиональная ориентация становится инструментом по обучению, трудоустройству, организации предпринимательской деятельности граждан, повышению квалификации действующих специалистов, индивидуальной адаптации и помощи в развитии студентам с различными личностными характеристиками. Профориентация должна оценить теоретические знания и способности конкретного человека, сопоставить их с потребностями рынка занятости населения, а также соответствовать постоянным изменениям ценностей молодых людей и общества в целом [\[9\]](#).

Можно сделать вывод о том, что профессиональная ориентация учащейся молодежи является важнейшей составляющей среднего общего, профессионального и высшего образования и ей принадлежит немалая роль в решении проблемы подготовки будущих специалистов для страны. Эффективное развитие любого современного общества и экономики невозможно, если молодые люди не имеют возможности для анализа поля актуальных вакансий, которое сформировано с учетом потребностей конкретного региона и страны. Поэтому становится очевидна взаимосвязь профориентации и системы государственной кадровой политики.

Государственная кадровая политика – это общенациональная стратегия формирования, развития и рационального использования профессионального потенциала отдельных специалистов (кадров), общества. Государственная кадровая политика РФ является одним из наиболее приоритетных направлений деятельности руководящих органов власти по координации мероприятий, целью которых является совершенствование и развитие всего российского трудового потенциала. Она заключается в социальном регулировании, которое охватывает все общество и общественные отношения, возникающие в нем, оказывает существенное влияние на утверждение приоритетов социальных ценностей в профессиональной сфере. Государственная кадровая политика РФ направлена на формирование трудовых коллективов, рациональное и целесообразное использование всех трудовых ресурсов. В рамках кадровой политики страны происходит разработка общепринятых принципов работы с гражданами, их обучение и воспитание в рамках общего среднего и специального профессионального обучения, повышение квалификации и переподготовка уже действующих специалистов в различных отраслях производственной деятельности. Важнейшей функцией государства в этом случае становится наиболее оптимальный выбор и организация персонала, создание для него условий для поддержания высокого уровня профессионализма во всех сферах культурного и хозяйственного созидания [\[10\]](#).

Условно можно выделить следующие группы ожидаемых эффектов реализации системной профессиональной ориентации в рамках государственной кадровой политики:

1. эффекты общего плана. К ним можно отнести потенциальные результаты, которые необходимо соотнести с показателями и параметрами эффективности работы по оптимальному использованию и развитию всего человеческого ресурса страны;
2. конкретные параметры и показатели эффективности работы по профессиональной ориентации с конкретной категорией населения. Оценка полученных результатов происходит с учетом особенностей образовательно-возрастной группы, с которой проводилось психолого-педагогическое сопровождение при выборе профессии;
3. параметры и показатели эффективности выбранной организации или учреждения, которое осуществляет помощь в профессиональном самоопределении на уровне

конкретного региона, муниципалитета, района;

4 . показатели эффективности результатов профессионального самоопределения конкретного молодого человека.

Выделение предполагаемых эффектов общего плана позволяет оценить важность профессиональной ориентации молодых граждан в системе государственного кадрового управления. Примерами эффектов общего плана являются реальные эффекты, выраженные математически, и моральные эффекты.

К реальным эффектам, прежде всего, относится снижение издержек, которые связаны со сменой профессий и заведений профессионального образования молодыми гражданами. Это происходит по причине необдуманного выбора молодым человеком будущей профессии из-за отсутствия полной информации о выбранной сфере деятельности, недостаточного учета ограничений по состоянию здоровья и т.д.

Следующим реальным эффектом можно назвать снижение неэффективных затрат на подготовку специалистов, которые не востребованы на рынке труда в данный момент времени. Полученные ресурсы будут направляться на подготовку кадров в тех областях производства, где наблюдается их дефицит.

Специалисты, которые самостоятельно и сознательно выбрали свою профессию, будут более успешны в своей сфере профессиональной деятельности. Именно системная работа по профессиональной ориентации позволяет сформировать необходимые навыки для того, чтобы молодые люди могли сделать правильный выбор своей будущей профессии. Большее число квалифицированных и мотивированных специалистов будет способствовать развитию многих организаций.

К моральным эффектам можно отнести:

1 . повышение статуса власти и государства, которое помогает гражданам в решении сложившихся проблем, связанных с трудоустройством и профессиональным самоопределением.

2 . рост положительных настроений у конкретных молодых людей, которые с помощью профконсультантов, видят личностные и профессиональные перспективы в текущей социально-экономической ситуации;

3 . увеличение числа людей, которые успешно сделали свой профессиональный выбор, может стать положительным примером для подрастающего поколения при решении ими аналогичных вопросов.

Стоит отметить, что сложностью организации и управления системой профессиональной ориентации является необходимость одновременного соответствия различным требованиям рынка труда: с одной стороны, государству необходимо обеспечить качественный подбор квалифицированных специалистов, с другой – необходимо соблюсти баланс между желаниями и потребностями молодых людей. Можно говорить о том, что профессиональная ориентация молодежи должна заключаться в совместной работе обучающихся в общих образовательных организациях, их родителей, учителей, абитуриентов, преподавателей организаций профессионального образования, государственных и общественных организаций, работодателей. Модель работы по профессиональной ориентации граждан в регионах должна обеспечивать условия для сознательного и самостоятельного профессионального выбора молодыми людьми с учетом существующей социально-экономической ситуации. Работодатели должны быть

заинтересованы в создании эффективной системы профориентации, так как это позволит заполнить существующие вакансии в различных производственных сферах.

Таким образом, профессиональная ориентация молодых людей является одним из основных инструментов государственной кадровой политики, целью которой является формирование трудового потенциала страны. Эффективное развитие любого современного общества и экономики невозможно, если у молодых людей отсутствует доступ к объективной информации о текущей ситуации на рынке труда конкретного региона и страны в целом. Поскольку общество – это динамичная система, то всегда будет происходить устаревание одних сфер производственной деятельности и появление альтернативных профессий, которые возникают вследствие технико-технологического прогресса. Поэтому задачей системы профессиональной ориентации граждан становится не только оценка способностей конкретного молодого человека и соотнесение его интересов к выбранной им профессиональной деятельности с потребностями рынка занятости населения, но и постоянное соответствие изменениям ценностей молодежи и общества. Поэтому проблема организации эффективного формирования первичной профессиональной идентичности молодых людей является наиболее важным фактором развития рынка занятости населения.

Библиография

1. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ // Доступ из ЭПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 05.12.2021).
2. Ситникова, А. О. Безработица молодежи как социальная проблема современности и пути ее решения / А. О. Ситникова. – Текст : непосредственный // Профессиональная ориентация. – 2018. – № 2. – С. 124-128.
3. Исследование: молодежь и женщины активнее всего искали работу во время пандемии / ТАСС: информгентство. [М.], 2020. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/9141959> (дата обращения: 05.01.2021).
4. Карпов, А. Л. Молодежь на рынке труда: интересы, отраслевое распределение, конкурентоспособность / А. Л. Карпов, К. Н. Микуцкая. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2007. – № 1. – С. 271-274.
5. Попандопуло, О. А. Формирование профессиональной идентичности в процессе эффективного взаимодействия институтов гражданского общества и государства / О. А. Попандопуло, Е. Г. Шафоростов. – DOI: 10.25136/2409-7144.2020.9.34007. – Текст : электронный // Социодинамика. – 2020. – № 9. – С. 12-17. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34007 (дата обращения: 17.10.2021).
6. Разумова, М. В. К вопросу о трактовке понятия «профориентация» / М. В. Разумова. – Текст : электронный. – Профессиональное образование и общество. – 2014. – № 1 (9). – С. 51-59. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21358886> (дата обращения: 26.10.2021). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
7. Милославский, В. Г. Теория и практика профориентации в России: проблемы и перспективы / В. Г. Милославский, Н. Х. Алиева, С. М. Соловьев [и др.]. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2016. – № 7 (111). – С. 905-911. – URL: <https://moluch.ru/archive/111/27219/> (дата обращения: 01.12.2021).
8. Kudrinskaia, I. V. The problem of career guidance of the youth in domestic pedagogical theory and practice / I. V. Kudrinskaia, A. V. Kidinov, E. P. Kabkova [et al.]. – Text :

- electronic // Eurasian Journal of Biosciences, 2020. – Vol. 14, № 2. – P. 3815-3821. – URL: <http://www.ejobios.org/download/the-problem-of-career-guidance-of-the-youth-in-domestic-pedagogical-theory-and-practice-8012.pdf> (дата обращения: 04.12.2021).
9. Никулина, Ю. Н. Профессиональная ориентация молодежи в системе кадрового обеспечения экономики региона / Ю. Н. Никулина. – Текст : электронный // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 1263-1280. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42900294> (дата обращения: 03.12.2021). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
10. Чистякова, С. Н. Эффективность профессиональной ориентации обучающихся – важнейшая составляющая системы государственной кадровой политики / С. Н. Чистякова. – Текст : электронный // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2017. – № 1 (25). – С. 24-29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-professionalnoy-orientatsii-obuchayushchih-sostavlyayushchaya-sistemy-gosudarstvennoy-kadrovoy> (дата обращения: 01.12.2021).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Громакова В.Г. — Институциональная трансформация общества в свете социосинергетической парадигмы // Социодинамика. – 2023. – № 4. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.4.37415 EDN: UWYRBG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37415

Институциональная трансформация общества в свете социосинергетической парадигмы

Громакова Виктория Георгиевна

кандидат биологических наук

доцент кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет"

346770, Россия, Ростовская область, село Кагальник, ул. Российская, 27

✉ victoriagromakova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.4.37415

EDN:

UWYRBG

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2022

Дата публикации:

04-05-2023

Аннотация: Объектом теоретических изысканий, представленных в данной статье, является общество как открытая неравновесная система, способная к самоорганизации. Предметом исследования выступают факторы и движущие силы институциональной трансформации социетальной системы. Актуальность исследования обосновывается затянувшимся трансформационным периодом в жизни российского социума, а также все более широким распространением социоструктурных кризисных явлений в мире. Научная проблема определяется, исходя из таких известных фактов, как низкая прогнозируемость и управляемость процессов институциональной трансформации, с одной стороны, и необходимостью снижения сопутствующих им рисков - с другой. Соответственно, ставится вопрос о механизме институциональной трансформации, который предлагается рассмотреть, используя в качестве методологической базы принципы и положения социосинергетики. Основным элементом новизны в данной статье является синтез неинституциональной теории с положениями социосинергетики. В ходе исследования проведен анализ процесса институциональной трансформации с позиций социосинергетической концепции с использованием таких категорий, как диссипации

энергии, энтропия, стационарное и неравновесное состояние в их социальном выражении. Приведены характеристики эволюционного и кризисного этапов в развитии институциональной системы. Акцентируется внимание на рисках трансформационного периода и связи его итогов с предшествовавшим периодом стабильности. В результате проведенного исследования автор формулирует следующие выводы: 1) Субъекты социальных отношений действуют в соответствии с принципом минимума диссипации энергии, вследствие чего основы любого нового порядка закладываются во флуктуациях предшествующей структуры. 2) На течении кризисного (трансформационного) процесса неблагоприятно сказываются как чрезмерные управляющие воздействия, направленные на сохранение предшествующего порядка, так и преждевременные и непродуманные реформы. 3) Затянувшаяся трансформация грозит полной деградацией социетальной системы в силу истощения ресурсов, необходимых для снижения энтропии.

Ключевые слова:

социальный институт, социальная трансформация, социальный транзит, институциональные изменения, социосинергетика, диссипация энергии, энтропия, стационарное состояние, нелинейная динамика, кумулятивность

Введение

Российское общество, начиная с конца восьмидесятых годов прошлого столетия и по настоящее время, рассматривается социологами как трансформирующееся [\[1-7\]](#). Кроме того, процессы социальных изменений постепенно охватывают и другие части мирового сообщества, включая те, которые еще недавно казались стабильными. В этой связи устойчивый интерес исследователей к проблемам социальных трансформаций не вызывает удивления [\[8-10\]](#).

Однако, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных вопросам социальной трансформации, в научном дискурсе пока еще не сформировалось консенсусного определения соответствующего понятия, в связи с чем приведем определение, предложенное Локосовым В.В. [\[11\]](#), которое достаточно полно отражает наиболее распространенные в научной литературе точки зрения [\[2, 3, 4, 7, 12\]](#) и которого мы будем придерживаться в рамках данной статьи. Итак, социальная трансформация – «это процесс существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов, который характеризуется многовекторностью, относительно высоким темпом реализации изменений и повышенным влиянием субъективных факторов» [\[11\]](#). Как следует из приведенного определения, отличительными признаками социальной трансформации являются: комплексность – изменения ощущаются во всех сферах социальной жизни; качественный характер происходящих изменений, затрагивающих ключевые ценностные ориентиры и формы социальных отношений [\[5, 7\]](#), а также зависимость не только и не столько от воздействий со стороны властных структур, сколько от поведения социальных агентов [\[2, 11\]](#). Последняя особенность обуславливает слабую управляемость данного процесса [\[1\]](#) и отсутствие гарантий относительно положительно направленности изменений [\[11\]](#).

Собственно, плохая управляемость и низкая прогнозируемость являются наиболее

проблемными аспектами трансформационных процессов, причем как в области практической деятельности, так и научной теории. В этой связи высокую актуальность приобретают исследования факторов, движущих сил и механизмов социальной трансформации. Следовательно, социосинергетика – наука о самоорганизации социальных систем [\[13\]](#) – представляет интерес как методологическая база для их изучения [\[8, 9\]](#).

Вместе с тем, приступая к изучению трансформационного процесса, нельзя обойти вниманием работы академика Т.И. Заславской, в которых она выделяет три основных вектора социальной трансформации, которые одновременно выступают и движущими силами, и результатами. Речь идет о человеческом потенциале, социально-групповой структуре и эффективности социальных институтов [\[2\]](#). Учитывая тот факт, что социальные институты представляют собой комплексы норм и правил, регламентирующих поведение социальных агентов [\[14, 15\]](#) и через него влияющих на социально-ролевую и социально-групповую структуру общества, имеем все основания рассматривать динамику институтов в качестве центрального звена социальной трансформации [\[16\]](#), чем и обуславливается интерес конкретно к этой предметной области. Собственно институциональная трансформация в рамках данной статьи рассматривается как качественное изменение норм и правил, регулирующих социальные отношения людей в различных сферах жизни.

С учетом всего вышесказанного целью исследования, результаты которого представлены далее, стал анализ институциональной трансформации с точки зрения социосинергетической концепции.

Методологические основы исследования

В соответствии с заявленной целью методологической базой исследования стали концепции неинституционализма и социосинергетики, основные положения которых, имеющим важное значение для рассматриваемой в настоящей статье проблемы, приведены далее.

Для начала обратимся к неинституциональной теории.

Ключевым понятием является социальный институт, определение которого приведено выше. Поэтому дабы не повторяться сразу перейдем к вопросам институциональной динамики.

Базовые социальные институты в истории обществ возникали стихийно в процессе социального взаимодействия как комплексы неформальных норм и общепринятых моделей поведения, а в последствии закреплялись в форме кодексов и законов. В настоящее время развитие социальных институтов находится под влиянием как стихийных социальных практик, так и целенаправленных управляющих воздействий со стороны формальной власти. Однако смысл существования социального института на любой стадии его формирования и развития заключается в снижении транзакционных издержек [\[14\]](#).

Под транзакционными издержками понимаются затраты временных и финансовых ресурсов, а также духовных и физических сил, которые несут участники социальных интеракций в стремлении защитить собственные интересы и снизить риски. Указанные затраты могут быть связаны с поиском и анализом информации об участниках взаимодействия, их мотивах и намерениях; с определением альтернативных решений и

выбором одного из них, а также с мерами профилактики оппортунистического поведения партнеров. Степень минимизации издержек является показателем эффективности социального института и фактором его стабильности [\[15\]](#).

Неэффективные социальные институты подвергаются трансформации, что предполагает существенные изменения формальных и неформальных норм. Однако, если первые могут быть изменены быстро и радикально принятием новых законов, то вторые, связанные с ментальными программами субъектов социальных отношений, изменяются медленно, что нередко тормозит или искажает применение формальных правил на практике. Инертность неформальной институциональной матрицы приводит также к тому, что, согласно утверждению Д. Норта, институциональные изменения носят преимущественно непрерывный, а не дискретный характер [\[15\]](#), чем обусловлены такие свойства социальных институтов, как кумулятивность и эволюционность.

Кумулятивность означает постепенное накопление мелких изменений, затрагивающих второстепенные правила и подготавливающих почву для более крупных преобразований. Так, новые нормы первоначально добавляются к более старым, расширяя пространство выбора приемлемой формы действий, и только в дальнейшем способны их полностью вытеснить.

Под эволюционными свойствами социальных институтов подразумевается зависимость текущих изменений от траектории предшествующего развития и исторически сложившейся институциональной матрицы [\[15, 17\]](#).

На первый взгляд, выводам Д. Норта противоречат утверждения некоторых российских исследователей, определяющих социальную трансформацию, как «радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества» [\[3\]](#) или как коренные изменения социальных институтов, сопровождающиеся ломкой их структуры [\[4\]](#). Однако скорость и глубина изменений не предполагает полную оторванность новых институтов от правил и моделей поведения, действовавших в предшествующие периоды жизни общества. А непрерывный характер процесса не означает, что его скорость постоянна. Следовательно, речь может идти не о противоречиях, а о наличии белых пятен в теории, обуславливающих необходимость ее дополнения положениями, способными пролить свет на закономерности институциональной динамики. Для достижения данной цели обратимся к социосинергетической методологической базе.

Прежде чем перейти к анализу собственно проблем институциональных изменений в свете социосинергетической парадигмы, сделаем краткий обзор основных положений этой теории. Социосинергетика представляет собой теорию социальной самоорганизации, основанную на приложении к описанию и исследованию механизмов развития общества принципов синергетики – междисциплинарного направления в науке, объясняющего образование упорядоченных структур в открытых, термодинамически неравновесных системах [\[13, 18\]](#).

С точки зрения социосинергетики общество – это открытая неравновесная система, способная к самоорганизации. Как и для других систем подобного типа, для общества характерны диссипация энергии и нелинейная динамика. Здесь отметим, что системные представления об обществе имеют солидную теоретико-методологическую базу, восходящую к Т. Парсонсу [\[19\]](#), и находят отражение в современных исследованиях [\[7, 8, 10\]](#), а феномены нелинейности социального развития не раз привлекали внимание

ученых [\[8, 9\]](#).

Поскольку истоки синергетики в целом и социосинергетики в частности лежат в неравновесной термодинамике, то важными понятиями соответствующего дискурса являются энергия и энтропия, в связи с чем представляется целесообразным определить данные термины применительно к социальным системам и процессам в том значении, в котором они будут использованы в тексте данной статьи.

Энергия – это величина, являющаяся мерой любых форм движения материи, включая ее преобразования. Соответственно, энергия рассматривается и как способность системы совершать работу, из-за чего в физике энергия и работа имеют одну и ту же единицу измерения – джоуль [\[20\]](#). Однако оперировать в исследованиях социальных систем данным понятием в том же инструментальном определении, в котором оно используется физиками, и с той же единицей измерения крайне неудобно и нецелесообразно. Поэтому в рамках данной статьи в качестве эквивалента энергии в социальных системах рассматриваются две переменные: финансовые средства (и все материальные объекты, которые могут быть в них конвертированы), а также ресурсы физической и психической активности субъектов социальных отношений, составляющие материальную основу их социального поведения.

Энтропия является мерой необратимого рассеивания – диссипации (бесполезных трат) энергии, а также мерой хаоса, мерой неопределенности состояния или поведения системы [\[21\]](#). Снижение энтропии в системе возможно только за счет затрат энергии и сброса избытка энтропии в окружающую среду. Аналогом энтропии в социальных системах является степень аномии или дезорганизации. Важно и то, что на поддержание порядка, то есть низкого уровня энтропии, в самоорганизующейся системе также затрачивается энергия, что обусловлено процессом постоянного самопорождения – аутопоэзиса – в таких системах [\[22, 23, 1\]](#). Иллюстрациями справедливости данного тезиса применительно к социальным системам может служить работа правоохранительных органов по наведению и поддержанию порядка, усилия семей и образовательных организаций в процессе социализации подрастающих поколений и многое другое.

Изменения затрат энергии и уровня энтропии характеризуют динамику самоорганизующихся систем, в которой чередуются две фазы: эволюционного и кризисного (революционного) развития. Эволюционному этапу свойственна высокая степень упорядоченности внутренних процессов, устойчивость, обеспечиваемая преобладанием отрицательных обратных связей, подавляющих недопустимые отклонения, и медленное накопление количественных изменений, избыток которых в конечном итоге приводит к напряжению, а затем и срыву механизмов поддержания порядка в системе (ее гомеостаза). Такое устойчивое состояние системы, когда поддержание порядка обеспечивается за счет постоянного притока энергии извне, часто называют равновесным, хотя правильнее использовать термин «стационарное», т.к. термодинамически равновесные системы характеризуются максимумом энтропии и не способны к самоорганизации, т.е. они могут быть упорядочены только под влиянием внешних воздействий, иными словами, насильственно.

По мере накопления противоречий между структурной организацией и условиями существования системы регулирующие механизмы испытывают все большее напряжение. Все большая энергия затрачивается на устранение избыточного разнообразия, т.е. элементов, поведение которых отклоняется от нормы. Нередко на данном этапе система становится гиперустойчивой, блокирующей любые изменения и соответственно теряющей

способность к адаптации и развитию.

В момент, когда прежние принципы регуляции в системе становятся не способны поддерживать порядок, наступает кризис, который характеризуется разрушением макроструктуры, скачком энтропии и резким увеличением разнообразия на микроуровне. Причем началом кризиса как правило служит некое незначительное событие, аналогичное многим другим, имевшим место ранее, но не приводившим к столь масштабным последствиям. Т.е. динамика системы в этот период времени соответствует понятию катастрофы [\[24\]](#), что означает невозможность возврата системы в прежнее состояние усилиями, соизмеримыми с тем, которыми она была из него выведена, а только значительно большими.

Далее система переходит в режим поиска нового порядка, который позволил бы преодолеть те противоречия, которые привели к кризису [\[8\]](#). Таким образом, началом любой социальной трансформации, под которой подразумеваются глубинные изменения в институциональной структуре, является системный кризис [\[25\]](#).

Считается, что кризисная система всегда имеет несколько альтернативных вариантов выхода на следующий этап устойчивого развития, из-за чего такое ее состояние также называют точкой или – с учетом временной протяженности – полем бифуркации [\[26\]](#). Кроме того, вследствие дисфункциональности макроструктуры выбор дальнейшего пути определяют флуктуации, т.е. случайные отклонения в поведении отдельных элементов на микроуровне. Неоднозначностью выхода из кризиса определяется низкая надежность прогнозов, а высокая подверженность влиянию случайных факторов обуславливает слабую управляемость трансформирующихся систем.

При том что выбор направления выхода из кризиса плохо предсказуем, когда он сделан, в системе по принципу положительной обратной связи стремительно нарастают процессы формирования новой макроструктуры и степень неопределенности резко падает. Рамки допустимых альтернатив поведения сужаются, и система движется к состоянию устойчивости. Для обозначения такого переходного состояния в социологии существует термин «социальный транзит». В этот период определяется аттрактор – будущее состояние системы вплоть до следующего кризиса, в которое она непременно придет, если преодолеет сложности транзита. Однако, пока процесс упорядочивания не завершен, остается риск повторного скатывания в поле бифуркации, поскольку, как уже отмечалось ранее, упорядочивание требует повышенных затрат энергии. Причем, вероятность таких возвратов, замедляющих выход из кризиса, зависит от степени конгруэнтности проводимых реформ структуре сложившихся в обществе социальных отношений. Так, затянувшийся период транзита в российском обществе исследователи связывают с отрицательной реакцией на реформы 1990-х годов [\[27\]](#). Однако стоит отметить, что такая реакция была обусловлена прежде всего попыткой навязать нормы, совершенно чуждые российской институциональной матрице.

Таким образом, неинституциональная теория дает четкое объяснение причин существования социальных институтов, определяет критерии их эффективности и постулирует их способность изменяться сообразно развитию общества. При этом обосновывается непрерывный характер и преемственность институциональных трансформаций. Однако вопросы динамики развития социальных институтов, изменения темпов и глубины изменений не освещаются. При этом во многих работах отмечается нелинейный характер социальных трансформаций, что обуславливает целесообразность обращения к социосинергетической модели для описания и объяснения механизма

институциональной трансформации. Попробуем это сделать применительно к трансформационным процессам в российском обществе.

Институциональная трансформация как этап развития самоорганизующейся социальной системы

Поскольку, как отмечалось выше, трансформационный процесс начинается с кризиса, подготовленного предшествующим периодом развития, то имеет смысл начать рассмотрение именно с эволюционной стадии изменений, когда социальные институты представляет собой стабильную систему норм, правил и моделей поведения. Их устойчивость обеспечивается широким распространением институциональных норм в социуме и наличием механизмов принуждения к их исполнению. В новейшей отечественной истории соответствующие признаки в полной мере наблюдались в доперестроечном советском обществе, частью которого являлось российское, в связи с чем именно позднесоветский период следует рассматривать как эволюционный этап развития российской социальной системы, непосредственно предшествовавший текущему трансформационному переходу.

Здесь важно отметить, что не всегда действующие правила являются наиболее эффективными с точки зрения минимизации транзакционных издержек. Однако они могут сохраняться в течение длительных периодов времени, поскольку являются хорошо освоенными населением, и соответственно, их воспроизведение в социальных практиках требует гораздо меньших усилий, нежели освоение новых моделей поведения и компенсацию сопутствующих им неизбежных ошибок, а также связанных с ними рисков. Другими словами, следование общепринятым нормам удовлетворяет принципу минимума диссипации энергии, согласно которому, «если допустимо не единственное состояние системы (процесса), а целая совокупность состояний, то реализуется то её состояние, которому отвечает минимальное рассеяние энергии, или, что то же самое, минимальный рост энтропии» [\[28\]](#).

Привычные действия в рамках институциональных правил понятны другим участникам социальных отношений и с большой вероятностью вызывают предсказуемую реакцию. В то же время инновационное поведение зачастую либо просто не находит поддержки, либо сталкивается с отрицательными социальными санкциями (система подавляет излишнее разнообразие). Однако в редких случаях инновация принимается за образец и постепенно распространяется, расширяя границы нормы. Таким образом, относительная открытость социальных институтов позволяет поддерживать некоторый запас разнообразия, повышающий адаптационный потенциал, что особенно актуально при возникновении эндо- и экзогенных факторов, вызывающих социальное напряжение.

К напряжению институциональной системы могут приводить накапливающиеся противоречия между действующими нормами и меняющимися качествами социума: демографическая структура, уровень научно-технического прогресса, уровень самосознания социальных акторов, а также вызовы окружающей среды (природной, социально-политической, социально-экономической). Институциональное напряжение проявляется увеличением частоты флуктуаций, определяемых социумом как девиантное поведение, а также ростом транзакционных издержек участников социальных отношений. В СССР факторами, повышающими напряжение были:

- товарный дефицит и падение цен на нефть – сокращение притока финансовых средств, которые, как обговаривалось ранее, выступают эквивалентом энергии в социальных системах;

- недобросовестность представителей партийной номенклатуры и руководителей предприятий, диссидентские движения – факторы внутрисистемной (социогенной) энтропии;
- авария на ЧАЭС – источник внешней (техногенной) энтропии.

При отклонении от стационарного состояния советская система, как и любая другая, стремилась вернуть стабильность за счет мобилизации внутренних ресурсов, негативных санкций и расширения полномочий контролирующих органов. Ужесточался контроль за трудовой и партийной дисциплиной, имели место репрессии в отношении инакомыслящих.

Однако чрезмерные управляющие воздействия, направленные на сохранение порядка, приводят систему в состояние гиперустойчивости, предваряющей кризис, который как правило оказывается тем неожиданнее и разрушительнее, чем дольше порядок поддерживается карательными мерами. И советская система в семидесятых – начале восьмидесятых годов развивалась именно по такому сценарию. Стагнация плановой экономики, цензура, недопустимость критики правящей партии и политического режима, инертность политической и экономической элиты в совокупности препятствовали прогрессивному развитию и снижали адаптивный потенциал системы.

Однако преждевременное и непродуманное реформирование институциональных норм чревато не менее, а возможно даже более плачевными последствиями, поскольку в силу упоминавшейся ранее эволюционности институтов и их зависимости от предшествовавшей траектории развития далеко не каждое формальное правило способно укорениться в социальных практиках в изначально предполагаемом виде. Нормы, противоречащие запечатленной в ментальных программах институциональной матрице, неконгруэнтные неформальной структуре социальных институтов, либо отвергаются, либо искажаются, что наряду с искусственным разрушением старой нормативной системы неизбежно ввергает общество в состояние глубокой аномии [\[29\]](#). Так, необдуманная попытка реформирования советской социально-политической системы, предпринятая М.С. Горбачевым, запустила процессы, которые привели не к «социализму с человеческим лицом», а к всплеску национализма в союзных республиках, распаду страны, полной несостоятельности легальных социальных институтов и стихийному распространению криминальных норм и практик «дикого капитализма». [\[30-32\]](#)

Начало кризисного этапа вне зависимости от того, какими причинами оно вызвано, всегда носит катастрофический характер в том смысле, что является неожиданным для подавляющего большинства социальных субъектов, начинается с незначительной флуктуации, но приводит к масштабным последствиям, не позволяющим вернуть систему в прежнее состояние. Даже если внешне возвращается старый порядок, внутренне система уже другая, поскольку имеет другой опыт. Событие, которое служит триггером для запуска лавины необратимых последствий, в некоторых случаях определяется достаточно легко. Например, в случае с украинским кризисом 2013-2014 года формальным поводом для всплеска протестных выступлений послужил отказ руководства страны от подписания договора об ассоциации с Европейским союзом [\[33\]](#). Однако довольно сложно выделить переломное событие, ставшее первым шагом к трансформации советской социальной системы, приведшей к ее краху и продолжившейся уже на постсоветском пространстве, в том числе в российском обществе. Скорее всего, такой точкой невозврата стала реализация на практике политики гласности, которая в

одновременно сняла запреты на критику партии и советской политической системы и обусловила крах идеологии [30]. В результате правящий режим одновременно оказался виновным и в политических репрессиях прошлого, и в социально-экономических проблемах настоящего. Также актуализировалась националистическая и антикоммунистическая повестка, следствием чего явились падения коммунистических режимов в Восточной Европе, «парад суверенитетов» в СССР и Беловежские соглашения [30]. Причем почти все советское общество, включая большую часть партийной номенклатуры, наблюдали крах системы с поразительной пассивностью. Несмотря на то, что, как показал референдум в марте 1991, большинство граждан СССР желали сохранения единого государства, направленная на его ликвидацию активность региональных элит практически не встретила сопротивления. Сказались последствия предшествовавшей кризису гиперстабильности. Не обладающий опытом политической инициативы, привыкший во всем полагаться на государство и следовать указаниям свыше, социум наблюдал развал социетальной системы, пребывая в ступоре, и бездействовал. [30, 31]

Распад государства сопровождался кризисом буквально всех социальных институтов. Наиболее болезненно разрушительные последствия неумелых политических реформ ударили по экономике, но аноμία захлестнула и другие сферы жизни, включая образовательную, медицинскую, семейную.

Несостоятельность институциональных норм, когда формальные правила не работают (коллапс правовой системы), а в неформальной структуре лавинообразно растет разнообразие, вынуждает социальных акторов самостоятельно искать способы минимизации транзакционных издержек, которые также экспоненциально растут. В обществе стремительно распространяется ориентация на цинично индивидуалистические, материальные ценности. Такие тенденции наблюдались в 90-е годы на постсоветском пространстве, а по мнению В.В. Кокорина преобладание материалистических ценностей является атрибутом любых кризисов и потрясений [5]. Данное состояние сопровождается колоссальными диссипациями энергии, она растрачивается на попытки изобретения или освоения новых форм взаимодействия и адаптации в условиях полной неопределенности. А самым ярким проявлением роста диссипативности на каждом новом витке трансформационного кризиса становится падение уровня и как следствие – продолжительности жизни. Так, в острой фазе трансформационного кризиса в России 90-х годов наблюдалось резкое снижение покупательской способности и численности населения [34,35]. В 1994 году была зафиксирована самая низкая с 1950-х годов средняя ожидаемая продолжительность жизни в России [36]. Обвал нормативной структуры – это и падение институционального и межличностного доверия, обуславливающее рост агрессивности и преступности, которые нашли отражение в статистических сводках и работах по соответствующей проблематике [37].

Вместе с тем необходимо отметить, что смысл диссипации энергии в социальной системе заключается в потере контроля над ресурсами и освоением финансовых средств. Поэтому падение уровня жизни никогда не бывает равномерным во всем обществе. Наряду с обнищанием одних происходит обогащение других, успевающих присвоить те средства, которые вышли из-под институционального контроля. Результирующим проявлением данных процессов становится усиление социального неравенства. Так, в российском обществе рост показателей социального расслоения начался одновременно с вступлением в активную фазу социальной трансформации, еще в конце восьмидесятых, затем с развалом советской системы наблюдался их резкий скачок и далее, до

финансового кризиса в 2008 году, имели место колебания при восходящем тренде, и лишь позднее наметилась тенденция к спаду [\[38\]](#).

Кроме того, anomia хоть и определяется, в частности, как социальный хаос, не означает полной атомизации общества. В недрах институционального хаоса закономерно формируются очаги упорядочивания на микроуровне, часть из которых имеют шанс со временем распространиться на всю систему и стать основой нового порядка. Но ошибочно думать, что в этот момент в системе может возникнуть нечто полностью отличное от прежних форм социального порядка, что кризисному обществу можно навязать любую форму организации. Не стоит забывать о том, что реально действующие социальные нормы конструируются участниками социальных отношений в соответствии с их ментальными программами, включающими аксиологический, когнитивный и конативный компоненты [\[39\]](#). Причем, как уже отмечалось ранее, субъекты социальных отношений действуют в соответствии с принципом минимума диссипации энергии, т.е. выбирают тот вариант самоорганизации, который имеет минимум неопределенности, является для них наиболее знакомым и понятным из всех мыслимых. Таким образом основы нового социетального порядка присутствуют во флуктуациях прежней структуры. В этой части разрабатываемая в рамках данной статьи концептуальная социосинергетическая модель хорошо объясняет обнаруживаемый многими исследователями российской истории феномен регулярных возвратов социетальной системы к отвергнутым в начальной фазе кризиса формам организации, которые в конечном итоге оказываются лишь в незначительной степени модифицированными [\[40\]](#). Причем, заметим, что, как показывает практика, широкое распространение отнюдь не всегда получают позитивные флуктуации и, соответственно, изменения институциональной системы не всегда направлены в сторону большей эффективности. Напротив, довольно часто общество попадает в институциональные ловушки [\[41\]](#), когда в условиях дезорганизации социальные акторы пытаются хоть как-то снизить персональные риски. То есть нередко кризис ведет к закреплению ранее отвергаемых и явно дисфункциональных форм социальных отношений. Одним из наиболее плачевных примеров является коррупционная ловушка, в которой, судя по данным немалочисленных публикаций, прочно увяз российский социум [\[31, 42, 43\]](#).

Вызывает опасение и тот факт, что в ходе затянувшейся трансформации появляется новый тип личности, который называют *homo zwischens* – человек колеблющийся, стоящий «в просвете бытия» [\[44, 45\]](#). Цвишенсы привычны принимать решения в атмосфере неопределенности [\[46\]](#) и, с одной стороны, хотелось бы надеяться, что они способны привнести в российский социум элементы институциональной Y-матрицы, предприимчивость, тягу к прогрессу, полезные в постоянно меняющемся мире [\[47\]](#). Однако, с другой стороны, такие люди, которых также определяют как джокеров или «партизан на территории собственной страны» [\[48\]](#), утратившие нравственные ориентиры, легко поддающиеся манипуляциям, склонные к агрессивным действиям, с гораздо большей вероятностью поспособствуют укреплению неформальных коррупционных составляющих в социальных институтах, нежели внедрению практик, основанных на ценностях личной свободы и ответственности. Данное предположение находит подтверждение в результатах опросов общественного мнения. Так, еще недавно исследователи отмечали преобладание в ценностно-нормативной системе россиян ориентиров прагматического и утилитарного характера, которые имели однозначно большую значимость, чем идеи гражданской солидарности [\[49, 50\]](#). Хотя нельзя не отметить, что в условиях обострения внешнеполитической обстановки в феврале-марте,

исследования общественного мнения показывают рост уровня доверия президенту и правительству, повышение уровня гражданского самосознания и готовности значительной части населения поступиться частью материальных благ ради обеспечения национальной безопасности и защиты Донбасса. Оценивая наблюдаемые тенденции с позиций социосинергетики, мы можем говорить о реализации механизма стабилизации системы за счет канализации избытка энтропии во вне. Таким образом, принятые руководством страны решения способствуют не только достижению заявленных целей, но и большему упорядочиванию внутрироссийской социальной системы. Единственным, но немаловажным минусом данного механизма стабилизации является то, что он эффективен только в краткосрочной перспективе. А в дальнейшем порядок должен будет поддерживаться другими механизмами, основанными на эффективном распределении энергетических (прежде всего финансовых) потоков в системе. Тем не менее, сложившаяся на данный момент времени ситуация предоставляет российской социальной системе реальный шанс наконец выйти из затянувшегося трансформационного процесса, что было бы крайне желательно.

Дело в том, что затянувшаяся трансформация, сопровождающаяся серийными срывами транзита и возвратами в поле бифуркации, грозит полной деградацией социетальной системы. С точки зрения социосинергетики это объясняется тем, что в точке бифуркации происходят самые крупные диссипации энергии, ее бесполезная утечка. При том внутренние энергетические ресурсы системы не безграничны. Соответственно, вполне вероятным может оказаться сценарий, при котором в определенный момент ресурс будет исчерпан настолько, что его не хватит на очередной этап транзита, предполагающего снижение энтропии, а, значит, затраты энергии.

И напротив, длительные периоды социально-политической стабильности способствуют уменьшению негативных последствий социальной трансформации. В частности, эффективность борьбы с коррупцией на постсоветском пространстве, по наблюдениям А.П. Страхова [\[51\]](#), положительно коррелирует с политической стабильностью.

Таким образом, долговременное пребывание общества в состоянии аномии, а также слишком частые трансформации, представляют реальную угрозу целостности социетальной системы. Кризисы в развитии самоорганизующихся систем неизбежны. Но шансы преодоления кризисного этапа с дальнейшим выходом на более прогрессивный уровень повышаются благодаря периодам стабильности, дающим возможность подготовиться к предстоящей трансформации, что подразумевает как накопление ресурсов, так и изменения в сознании социальных субъектов. Другими словами, трансформационный потенциал должен вызреть в недрах предшествующего порядка.

Относительно возможности разработки эффективных антикризисных мероприятий с точки зрения социосинергетической теории стоит сказать следующее. Несмотря на объективно низкую прогнозируемость изменений трансформирующегося социума, в направлении повышения эффективности управления им представляются перспективными исследования специфики периодически воспроизводимых форм самоорганизации и политической власти в конкретном обществе, которые позволили бы понять, какие модели являются конгруэнтными для данной социетальной системы.

Заключение

Изменения социальных институтов носят непрерывный характер в силу того, что нормы, правила и модели социального поведения существуют только в процессе их постоянного воспроизведения субъектами социальных отношений, которые не только репродуцируют

интериоризованные образцы, но и дополняют их новыми интерпретациями. Несмотря на то, что множество альтернатив отвергается системой, некоторые все же становятся ее частью. Таким образом, институциональные изменения носят кумулятивный и эволюционный характер. Темпы и глубина институциональных изменений неравномерны. Процесс их развития носит нелинейный – циклический характер, заключающийся в том, что происходит чередование этапов медленного и быстрого развития, отвержения прежних моделей социальных отношений в момент кризиса и их несколько трансформированного воспроизведения в ходе последующей стабилизации. Трансформационные кризисы возникают в силу многих внешних и внутренних причин, но при этом как правило оказываются неожиданными. Они слабо прогнозируются, а кризисные системы характеризуются низкой управляемостью. При этом трансформации всегда представляют собой потрясения, тяжело переживаемые субъектами социальных отношений и угрожающие целостности социетальной системы, чем определяется значимость теоретических разработок, способных улучшить понимание механизмов развития трансформационных процессов и хотя бы отчасти повысить качество прогнозов и эффективность управления кризисными системами. Социосинергетическая модель позволяет увидеть ситуацию кризиса и последующей трансформации с точки зрения неравновесной динамики, проследить причины диссипации энергии в социальных системах и связь между течением кризиса и предшествовавшим периодом стабильности, обосновать риски, как чрезмерно консервативной нормативной системы, так и преждевременных и необоснованных реформ, определить диапазон возможных сценариев выхода из кризиса и, соответственно, подвести основу под выбор наиболее благоприятного из них в ходе принятия управленческих решений.

Библиография

1. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
2. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 398 с.
3. Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. С. 149-168.
4. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 384 с.
5. Кокорин В. В. Социальные трансформации: постановка проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 74 – 82.
6. Березовая А.Ю. Социальные Трансформации России в контексте фамилизма // Вестник Поволжского института управления. 2017. Том 17. № 1. С. 75 – 79.
7. Ролдугина О.Ю. Социальная трансформация и задачи социального управления в современную эпоху // Вестник Университета. 2013. № 10. С. 159 – 162.
8. Максимова С.И. Особенности социальных трансформаций в сложных системах // «Colloquium-journal». 2019. №1(25). С. 47 – 49.
9. Попов В.В., Максимова С. И., Личман И.Д. Альтернативность, темпоральность и социальные трансформации // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2018. № 1. С. 89 – 91.
10. Миловзорова М. Н. Трансформации социальных систем: экорациональный подход // Общество: философия, история, культура. 2021. № 1(81). С. 13 – 17.

11. Локосов В.В. Трансформация социальная // Социологический словарь. М, 2014. С. 535 – 536.
12. Голова А. Социально-экономические механизмы разрушения традиционных семейных отношений // Общество и экономика. 2013. № 9. С. 178 – 186.
13. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В. И. Емельянова. М: Мир, 1980. 405 с.
14. North D. C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development. 1989. vol.17. No. 9. Pp. 1319–1332.
15. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. 180 с.
16. Громакова В.Г. Институциональная трансформация в России: состояние, социальный механизм, перспективы // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования, 2021. №2. С. 42-49.
17. Arthur W.B. Increasing returns and path dependence in the economy. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1994. 201 p.
18. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979. 512 с.
19. Parsons T. The Social System. London: Free Press of Glencoe, 1951. 596 p.
20. Алексеев Г. Н. Энергия и энтропия. М.: Знание, 1978. 192 с.
21. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. В. И. Аршинова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
22. Varela F., Maturana H. R., Uribe R. B. Autopoiesis: The organization of living system, its characterization and a model // Biosystems. 1974. No. 5. Pp. 187-196.
23. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25-42.
24. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.
25. Шакирова Е.Ю., Кокорин В.В. Революция: социальная трансформация на основе самоорганизации // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 10. С. 191 – 196.
26. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта "интервал" в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-4. С. 872-875.
27. Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition // Economics of Transition and Institutional Change. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 99–137.
28. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 304 с.
29. Громакова В.Г., Осяк А.Н., Сапунова Т.Г. Российское общество и государство в условиях институциональной трансформации // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 161 – 168.
30. Савченко А.Е. СССР 1985 — 1991 гг.: история случайной самоликвидации власти? // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 66 – 81.
31. Дерлугьян Г.М. Причины распада СССР: коммунистический режим, сверхдержавное бремя, национализм республик или случайность? // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 8 – 22.
32. Абдуллоев И. Из истории распада СССР // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013 № 3 (36). С. 103 – 115.
33. Циткилов П.Я. Политический кризис в Украине конца 2013-2014 гг.: истоки и

- предварительные уроки // Социально-гуманитарные знания. № 4, 2014 г. С. 17 – 35.
34. Лаврова Т.А. Ретроспективный анализ покупательной способности основных групп населения в Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1 (119). С. 145 – 150.
35. Население России за 100 лет (1897-1997): Статистический сборник. М: Госкомстат России, 1998. 222 с.
36. По данным ТАСС // Как менялась средняя продолжительность жизни в РСФСР и России. 16.10.2019 URL: <http://tass.ru/info/7006937>
37. Олькова, О. А. Тренды преступности в России и Украине за период с 1980 до 2014 года // Вестник научных трудов юридического факультета "Юристъ", Казань, 12 ноября 2015 года. Казань: Частное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Академия социального образования", 2015. С. 193 – 202.
38. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905-2016 // WID. world working paper series. 2017. 09. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>
39. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2 ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 574 с.
40. Тульчинский Г.Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 117–129.
41. Polterovich V. M. Institutional Traps: How to Get Out? // Economic Transformation and Evolutionary Theory of J. Shumpeter. The 5-th International Symposium on Evolutionary Economics. Puschino, 2003. Pp. 130-143.
42. Вихрян А.П., Федоров М.В. Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 967—976.
43. Nomokonov V. A. Corruption System against Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. 13(10). Pp. 1638–1643.
44. Федотова М.Г. К содержанию понятия «транзитивное общество» // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 1(4). С. 28-31.
45. Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
46. Харин Ю.А. Современный цвишенизм: реалии и перспективы человека как социоантропной тотальности // Субъективные притязания и объективная логика в развитии общества переходного типа / под ред. Ч. С. Кирвеля. Гродно, 1998. С. 150 – 152.
47. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 467 с.
48. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Джокеры, русла или поиски третьей парадигмы // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 138-154.
49. Бызов Л.Г. Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // Россия XXI. 2019. № 1. С.6-29.
50. Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 582—594.
51. Страхов А.П. Факторы успеха антикоррупционной политики в постсоциалистических

странах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 242—264.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Название у данного материала сразу вызывает недоумение: как может определяться динамика процесса, который и так в силу своей изменчивости является по определению динамичным (даже если это отрицательная динамика), - процесса трансформации. Но, по-видимому, автор имеет свою точку зрения на этот счет, которую предстоит, разумеется, в полной мере обосновать. Тем более речь идет о трансформации некой «синергетической парадигмы». В этом случае, вероятно, имеется в виду методологический ракурс оценки синергетики, однако автору в этом случае также предстоит серьезная работа по обоснованности использования данного понятия. Одним словом, уже начиная с заголовка, понимаешь, что материал сложен для восприятия и понимания, а ведь заголовок – это «зеркало души» всего материала, на него должны среагировать потенциальные читатели. Не думаю, что если у них, как и у меня, возникнет недоумение по поводу названия статьи, они заинтересуются таким научным трудом.

Между тем обратимся к содержанию – что же хотел сказать автор, полагая, что происходит некая динамика – трансформации – социосинергетической парадигмы? Прежде всего, обращает на себя внимание достаточно любопытное, но в то же время являющееся довольно расхожим утверждение о том, что «российское общество, начиная с конца восьмидесятых годов прошлого столетия и по настоящее время, рассматривается социологами как трансформирующееся». Автор к сожалению не приводит соответствующих ссылок, да собственно и само это утверждение носит дискуссионный и, я бы даже сказал, противоречивый характер. В конце концов, возникает резонный вопрос: кто его трансформировал и с какой бы стати социологи так думают? Автор явно выдает желаемое за действительное (или наоборот). С такого рода суждениями всегда нужно быть осторожным, они всегда нуждаются в пояснении или аргументации, иначе вполне себе могут исказить общий смысл какой-либо авторской идеи.

К стилистике работы сразу же возникают вопросы: автор представляет свою собственную концепцию и готов ее доказывать или же он несколько отстраняется от своего текста и возвышается над ним: почему вдруг повествование (как в автореферате диссертации, где, кстати, это тоже нарушение стилистики) ведется от 3-его лица: «Автор данной статьи больше склоняется к той точке зрения, согласно которой не всякое социальное изменение может идентифицироваться как трансформация. Соответственно, требуется обозначить границы этого понятия». По сути этой фразы тоже можно усомниться в правоте автора: если, действительно, как он считает, не всякое изменение есть трансформация, то, конечно же, на этот счет необходимы непреложные аргументы и ссылки на авторитетное мнение. Тем не менее автор их в достаточной степени не приводит, а ссылки на авторов лишь подтверждают, что, по сути, любой социальный процесс так или иначе (с меньшими признаками или большими) носит трансформационный характер. Пospорить с этим сложно. Автор же считает несколько иначе, но его аргументации не хватает для того, чтобы принять его точку зрения. Из-за слабой проработки ключевого понятия вполне закономерно дальнейшие рассуждения автора вызывают по меньшей мере настороженность, а у кого-то, может быть, и

недоверие. Не следует забывать и о том, что автор вводит понятие институциональной трансформации, что накладывает на него серьезные обязательства по его широкому анализу с последующим представлением соответствующих обобщений, однако ничего этого в статье мы не находим. Это, конечно же, еще одно серьезное упущение со стороны автора.

Далее упор в статье делается на синергетику, однако совсем не приводятся положения, которые бы соотнесли парадигму синергетики с т.н. «институциональной трансформацией». При этом автор углубляется в суть синергетики и ощутимо отдаляется от заявленной им темы – делает акцент на затратах энергии, оценках уровня энтропии и т.д. Все это было бы хорошо, если бы автор не просто раскрывал уже довольно хрестоматийные стороны синергетики, но и «привязывал» их к теме своей работы. Как видим, эта тема ускользает от автора, он не может представить сильные аргументы по динамике – институциональной трансформации и т.д. Это лишь подтверждает сомнительность авторской концепции, ее слабость. Очевидно, что автору следует всерьез задуматься о том, каких научных принципов он придерживается в понимании и трактовке проблематики.

Статья «сухая» - в ней нет ни одного (!) примера, который бы иллюстрировал авторские идеи (а ведь такие примеры в контексте темы явно напрашиваются); путаница в терминах, отсутствие логики научного поиска только усугубляют положение автора. Полагаю, что автор пока в данной работе лишь наметил тезисы для исследования, но исследования как такового пока нет. Нужно серьезно работать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Институциональная трансформация общества в свете социосинергетической парадигмы» предмет исследования – это социальная трансформация как процесс существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов – социальных институтов. Цель данной работы определена как анализ институциональной трансформации с точки зрения социосинергетической концепции.

Методология исследования построена на концепциях неoinституционализма и социосинергетики. При этом концепция неoinституционализма позволяет дать чёткое объяснение причин существования социальных институтов, определяет критерии их эффективности, постулирует их способность изменяться сообразно развитию общества, обосновывает непрерывный характер и преемственность институциональных трансформаций. А концепция социосинергетики даёт описания и объяснения механизма институциональной трансформации.

Актуальность исследования определяется тем, что в конце XX – начале XXI в. социум вступает в полосу масштабных трансформаций, что приводит к существенным изменениям в функционировании социальных институтов, качественному изменению норм и правил, регулирующих социальные отношения людей в различных сферах жизни. Острота проблемной ситуации обусловлена тем, что социальный институт в условиях устойчивого развития упорядоченную, стабильную реальность, тогда как в ходе

трансформационных процессов он полностью или частично лишается именно этого качества.

Научная новизна работы связана с определением социосинергетического механизма трансформации социальных институтов в ситуации устойчивого развития и кризиса. В работе констатируется, что в силу того, что люди не только репродуцируют интериоризованные образцы, но и дополняют их новыми интерпретациями изменения социальных институтов имеют непрерывный характер; носят кумулятивный и эволюционный характер; протекает неравномерными темпами и с различной глубиной трансформации; имеют нелинейный, циклический характер. В работе на основе положений социосинергетического подхода обосновывается слабая предсказуемость, прогнозируемость трансформационных кризисов для социальных институтов, соответственно низкая управляемость. Но этот вывод всё-таки требует дополнительной аргументации: законы самоорганизации никто не отменял, а вот уровень их осмысления в настоящий момент как раз и приводит к описанной в статье ситуации. Тем более, что в дальнейшем в статье делается ещё один вывод: социосинергетическая модель позволяет ... определить диапазон возможных сценариев выхода из кризиса и, соответственно, подвести основу под выбор наиболее благоприятного из них в ходе принятия управленческих решений.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью, чёткостью формулировок и наличием выводов. Рецензируемая работа отличается логичностью и грамотностью изложения материала, глубиной проработанности материала, который научно интерпретирован и обобщён. Работа обладает научной новизной.

Отметим, не вполне удачное название работы «Институциональная трансформация общества в свете социосинергетической парадигмы». Вынесенное в заголовок понятие «социосинергетическая парадигма» не раскрывается и не используется (в тексте всего одно упоминание). Автор использует чаще понятия «социосинергетическая теория» или «социосинергетический подход». В итоге имеет такое казусное выражение в тексте статьи: «Прежде чем перейти к анализу собственно проблем институциональных изменений в свете социосинергетической парадигмы, сделаем краткий обзор основных положений этой теории». То есть здесь ставится знак равенства между парадигмой и теорией.

Библиография работы включает 51 публикацию отечественных и зарубежных авторов по проблематике социальных трансформаций, социальных институтов, социальной синергетики. В итоге апелляция к основным оппонентам присутствует в должной мере.

Работа будет представлять интерес для представителей социально-гуманитарного знания, интересующихся теоретическими вопросам социальных трансформаций. Статья «Институциональная трансформация общества в свете социосинергетической парадигмы» имеет теоретическую значимость.

Работа может быть опубликована.

Англоязычные метаданные

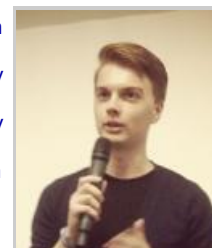
Digital Techno-Democracy as a Post-non-Classical Praktopia**Leontyev Gleb Dmitrievich**

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of General Philosophy, Kazan (Volga region) Federal University

35 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia, Republic of Tatarstan

✉ leontyeval@icloud.com

Leontieva Ludmila Stanislavovna

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of State and Municipal Administration, Kazan (Volga Region) Federal University

420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18

✉ ls13@yandex.ru

Abstract. The analysis of digital, socio-technological projects of the future is carried out in the context of post-non-classical utopian discourse based on a systematic approach, concepts of information society, dynamic information theory, K. Popper's ideas about social engineering. In order to identify the social effects of modern IT innovations, the current situation with universal ChatGPT is considered. It is argued that technology does not have an autonomous moral status, it is a projection of a person on the world. Their ethical burden, as well as the functionality and framework of self-organization are set from the outside. Artificial intelligence is a technology for simulating the reproduction of human reality, including patterns of social deviations. It means that not so much the virtual world as the actual reality needs humanizing correction. Information – technological, communicative mechanisms of overcoming social imperfections can be traced in the conceptually successive projects of "holotechnodemocracy" by M. Bunge, "information democracy" by M. Rocard, in projects of digital, cloud, electronic democracy. It is revealed that the modeling of an ideal digital future is based on a procedural approach, characterized by the authors of the article in the terminology of K. Popper as a "piecemeal" method, that is, "social engineering of private solutions". Therefore, digital techno-democracies are defined as a kind of modern praktopia, which evolutionarily and permanently forms an alternative social reality based on information and communication technologies and socio-network self-organization of a person and neural networks.

Keywords: information, praktopia, techno utopia, digital democracy, artificial intelligence, technology, virtual reality, self-organization, ethics, social engineering

References (transliterated)

1. Leont'ev G. D., Leont'eva L. S. *Prakseologiya sotsial'noi utopii: protest-proekt-praktika* // *Sotsiodinamika*. 2020. № 2. S. 64-73. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.2.30089 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30089
2. Schwab, Klaus. *The Fourth Industrial Revolution* / K. Schwab. – Random House (USA), 2017. 192 r.
3. Safina, A. M., Leontyev, G. D. et al. *Dialectics of freedom and alienation in the space of the internet* / A. M. Safina, G. D. Leontyev, L. F. Gaynullina, L. S. Leontieva, T. V. Khalilova // *Revista ESPACIOS* (ISSN 0798 1015-Venezuela-Scopus). Vol. 39 (№27)

- Year 2018. Page 8. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n27/18392708.html>
4. Khalutornykh O. N., Egorova E. A. Tsifrovaya utopiya v sovremennom obshchestve: sotsial'no-filosofskii aspekt // Gumanitarnyi vestnik MGTU im. N.E. Bauman. 2022. № 2 (94). – DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-771
 5. Kuzemina E.F., Pashkova N.V. Utopiya kak forma ekzistentsial'noi izolyatsii // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2022. № 8. S. 45-49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.6>.
 6. Lan'e Dzharon: Kak nuzhno peredelat' internet.-URL: <https://www.topspeaker.ru/articles/media/dzharon-lane-kak-nuzhno-peredelat-internet/>
 7. Kosorukov A.A. Tekhnologii dopolnennoi real'nosti v sfere gosudarstvennogo upravleniya // Sotsiodinamika. 2020. № 1. S. 1-11. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.1.31949 – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31949
 8. Markus Gabriel. Philosopher says digitalization leading to new totalitarianism // The Asahi Shimbun. September 17, 2020. – URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/13721770>
 9. Kosorukov A. A. Perspektivnye tekhnologicheskie resheniya v sfere postroeniya neirotsifrovogo gosudarstvennogo upravleniya // Sotsiodinamika. 2021. № 6. S. 53-66. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.35675 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35675
 10. Bodriar Zh. Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. – 200 s.
 11. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. March 22, 2023. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>
 12. Mironov A.V. Nauka, tekhnika i tekhnologii: tekhnologicheskii aspekt // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2006. № 1. S.26-41
 13. Kapp E. Filosofiya mashiny // Rol' orudiya v razvitii cheloveka / E. Kapp, G. Kunov, L. Nuare, A. Espinas.-L.: Priboi, 1925. C. 96-129
 14. Wat's the Most Dangerous Emerging Technology? 21.02.2022.-URL: <https://gizmodo.com/whats-the-most-dangerous-emerging-technology-1847957403>
 15. Slavin B. B. Kogda tsifrovaya demokratiya ne rabotaet // Vedomosti. 2.11.2019.-URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/11/12/815993-tsifrovaya-demokratiya>
 16. Gorokhov V. G., Grunval'd A. Kazhdaya innovatsiya imeet sotsial'nyi kharakter (Sotsial'naya otsenka tekhniki kak prikladnaya filosofiya tekhniki) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2011. № 5. – S. 135-145.
 17. Nasha obshchaya povestka dnya. – Doklad General'nogo sekretarya OON. – New York, Izd-e OON, 2021. 85 s.
 18. Chernavskii, D. S. Sinergetika i informatsiya: dinamicheskaya teoriya informatsii/ D. S. Chernavskii. – M.: Nauka, 2001. 244 s.
 19. Jean d'Arcy. Direct broadcast satellites and the right to communicate // Right to communicate: collected papers / edited by L.S. Harms, Jim Richstad, and Kathleen A. Kie: University of Hawaii Press, Honolulu, 1977, 229 r.
 20. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Wash.: World Future Soc., 1983. 419 p.
 21. Bunge, M. Kholotekhnodemokratiya: al'ternativa kapitalizmu i sotsializmu/ M. Bunge // Voprosy filosofii. 1994. № 6. S. 42 – 46.
 22. Gigauri D. I. Vybory v Gosudarstvennyu Dumu 2021: blogi, sotsial'nye seti i partiinaya identichnost' v virtual'nom prostranstve // Sotsiodinamika. 2021. № 11. S. 1-21. DOI:

10.25136/2409-7144.2021.11.36962 – URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36962

23. Rokar, M. Trudit'sya s dushoi / M. Rokar; Per. V. Kolomiitseva, V. Chernegi, V. Nikolaeva. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 344 s.
24. Tsit. Blokh E. po: Khabermas Yu. Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka// Voprosy filosofii. 2012. №2. S. 66-80
25. Popper, K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona. Per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo.-M.: Feniks, 1992. 448s.
26. Toffler, E. Tret'ya volna. Per.: A. Mirer, I. Moskvina-Tarkhanova, V. Kulagina-Yartseva, L. Burmistrova, K. Burmistrov, E. Komarova, A. Mikisha, E. Rudneva, N. Khmelik / E. Toffler. – M.: Izd. ACT, 2004. 261 s.

The influence of Church membership on the socio-political consciousness of Russians

Neznanova Violetta Sergeevna

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

199178, Russia, g. Saint Petersburg, ul. Srednii Prospekt V.o., 57/43

✉ vio.vita@yandex.ru

Tret'yakova Martina Olegovna

student, Department of GIMU, SZIU RANEPa

199178, Russia, Saint Petersburg, ul. Sredny Pr. V.O., 57/43.

✉ mtret'yakova-21@edu.ranepa.ru

Abstract. The subject of this article is the process of the influence of churching on the socio-political consciousness of Russians. The purpose of the work is to reveal the role of the influence of religious values inherent in a believer and a church-bound person on his socio-political consciousness. Russian Orthodox Church religious dogmas, sociological research, "Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church", data from the Public Chamber of the Russian Federation, the Public Chamber of St. Petersburg, etc. are used in the work. The following methods were used in the research: historical and philosophical analysis, comparative analysis, interdisciplinary approach. The scientific novelty lies in the fact that the role of the influence of churching on the socio-political consciousness of Russians is revealed. Today, the topic of the influence of religious freedom on the socio-political consciousness of Russians is little studied. As a rule, in this context, more general concepts such as humanity, morality and morality are considered without significant reference to religious principles and without proper understanding of this issue in the context of socio-political consciousness. In this study, the analysis is carried out from the historical and modern points of view. The main conclusions of the study are the following:

1. Professing religion, a person adopts the values and moral guidelines that are inherent in this religion.
2. The religious idea somehow begins to be projected onto the surrounding world, including in secular everyday life.
3. Based on the results of the study, it can be argued about the influence of church membership on the socio-political consciousness of Russians.

Keywords: Orthodox Church, civil society, religion, churching, orthodoxy, faith, socio-political consciousness, Public Chamber of the RF, Public Chamber of St. Petersburg, non-profit sector.

References (transliterated)

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. – Tekst : elektronnyi // Ofitsial'nyi internet–portal pravovoi informatsii. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 21.02.2023).
2. O nekommercheskikh organizatsiyakh: feder. zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
3. V. S. Solov'ev. Krizis zapadnoi filosofii (Protiv pozitivistov). Solov'ev V. S. Sochineniya v 2 t. T. 2: M., "Mysl", 1988.
4. Kaariainen K., Furman D. E. Religioznost' v Rossii na rubezhe XX–XXI stoletii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2007. No 1. S. 103–119; No 2. C. 78–95.
5. Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Eth-nic Identities // Journal for the scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51. No 4. P. 644.
6. Kolyakina E.A. Opredelenie sushchnosti ponyatiya religioznost'» // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Akmeologiya. Yuvenologiya. Sotsiokinetika. 2007. No3. Tom 13. S. 51-55.
7. Makovskaya E.S. RELIGIYA KAK SOTSIAL'NYI STABILIZATOR // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. – 2004. – № 5. – S. 110-110; URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=22025> (data obrashcheniya: 02.02.2023).
8. Neznanova, Violetta Sergeevna Problema vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstvennoi vlasti : filosofskii analiz : avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk : 09.00.11 Moskva 2018
9. Tretii sektor i ego rol' v sotsial'noi zashchite naseleniya. URL: <http://soc-work.ru/article/24> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
10. Ofitsial'nyi sait Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: www.oprf.ru .-Zagl. s ekrana.-Na rus.yaz. Data: 30.01.2023
11. Ofitsial'nyi sait Obshchestvennoi palaty Sankt-Peterburga [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://palataspb.ru> -Zagl. s ekrana.-Na rus.yaz. Data: 30.01.2023
12. «Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi» (2008 g.) / <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (Data obrashcheniya: 30.01.2023)
13. Velikii post – 2021 [Elektronnyi resurs] // VTsIOM. Analiticheskii obzor. – Rezhim dostupa: <https://web.archive.org/web/20210608083716/https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (data obrashcheniya: 11.01.2023).
14. Tserkov' i obshchestvo: monitoring [Elektronnyi resurs] // VTsIOM. Analiticheskii obzor. – Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring> (data obrashcheniya: 17.01.2023).

Politics, publicity and social movements in the works of J. Habermas and P. Bourdieu

Abstract. Modern social movements should be considered in the context of the existing public sphere, the main theorists of which are J. Habermas and P. Bourdieu. The article analyzes various aspects of the functioning of the public sphere, examines the role of mass media in the formation of the public sphere and the orientation of public opinion. Using the example of social movements in France, the author examines how the public sphere affects the functioning of social movements. Nowadays, the media largely determines the agenda and controls public debate. Besides, the experience of each person is completely mediated by the communication means. At the same time the media is largely influenced by politics and, as a result, the public sphere loses its functions. Nevertheless, the public of organized individuals could become an effective participant in public communication, through which it is possible to legitimize the achievement of political compromises. The author concludes that social movement's analysis should be focused not only on the political, economic and social causes of demonstrations, but also on the public sphere in which they exist. In addition, the discourse constructed by the mass media is not only imposed on society, but belongs to it. Each person contributes to its creation, and social media platforms play an important role in this. If public discourse is the result of the activity of many actors, then it is necessary to consider the possibility of interference in its construction.

Keywords: social movements, public debate, communication, publicity, capital of a politician, politics, public opinion, public sphere, mass media, France

References (transliterated)

1. Khabermas Yu. Strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva / pod red. M. Belyaeva ; per. V. I. Ivanova. — M. : Ves' mir, 2016.
2. Mercier Ythier J. (2022). Economic Reason and Political Reason: Deliberation and the Construction of Public Space in the Society of Communication. Wiley-ISTE; 1st edition. PP. 54–57, 242, 296.
3. Rone J. (2020). Contesting Austerity and Free Trade in the EU: Protest Diffusion in Complex Media and Political Arenas (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003081524>.
4. Burd'e P. Homo Academicus // Ekonomicheskaya sotsiologiya. №4. 2017. S. 91-119.
5. Shubin A.V. «Krasnyi mai»: chto eto bylo? Novoe proshloe / The New Past, no. 4, 2018, pp. 28-45.
6. Fillieule O., Tartakowsky D. (2013). La manifestation. Presses de Sciences Po. <https://doi.org/10.3917/scpo.filli.2013.01>.
7. Pélabay J., Sénac R. (2019). French Critical Citizenship: Between Philosophical Enthusiasm and Political Uncertainty. French Politics. 17. – doi : 10.1057/s41253-019-00095-5.
8. Juris J.S. (2012). Reflections on #Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation. American Ethnologist, 39: 259-279. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2012.01362.x>.
9. Tucker A., Theocharis Y. «From liberation to turmoil: social media and democracy» //

- Journal of democracy № 28. 2017. P. 46-59. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/from-liberation-to-turmoil-social-media-and-democracy/> (data obrashcheniya 09.03.2022).
10. Gutiérrez M. (2018). Data Activism and Social Change. Palgrave Studies in Communication for Social Change. (eBook) <https://doi.org/10.1007/978-3-319-78319-2>.
 11. Feenstra R., Flesher C. (2019) Routledge Handbook of Contemporary European Social Movements Protest in Turbulent Times. P. 315-339.
 12. Khabermas Yu. Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya. XI / per. s nem. B. M. Skuratova. — M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2012. s. 134.
 13. Bail C. A. Emotional Feedback and the Viral Spread of Social Media Messages about Autism Spectrum Disorders. American journal of public health, № 106(7). P. 1173-1180. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4984751/> (data obrashcheniya 09.03.2022).
 14. Tucker A., Guess A., Barberá P. (2018). Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.hewlett.org/wp-content/uploads/2018/03/Social-Media-Political-Polarization-and-Political-Disinformation-Literature-Review.pdf> (data obrashcheniya 09.03.2022).
 15. Modestov S.A., Nikitin D.A. Sotsial'nye seti kak teatr informatsionnogo protivoborstva v usloviyakh sovremennoi «gibridnoi» voyny // Vestnik Akademii voennykh nauk. 2019. № 3.
 16. Rogachev S.V., Vilovatykh A.V. Sotsial'nye dvizheniya v epokhu postpravdy // Problemy natsional'noi strategii. 2020. № 1 (58). S. 90-104.
 17. Meikle G. (2018). The Routledge Companion To Media And Activism (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315475059>.
 18. Fillieule O., Jobard F. (2020). Politiques du désordre. La police des manifestations en France. Paris, Seuil, series: «Sciences humaines», p. 134.
 19. Burd'e P. Sotsiologiya politiki: Per. s fr./Sost., obshch. red. i predisl. N. A. Shmatko. / — M.: Socio-Logos, 1993. — 336 s.
 20. Foucault M., Guibert P. (2022). «Les Français veulent une présidence omniprésente», Sciences Po CEVIPOF, note de recherche [Elektronnyi resurs] // URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/les-notes-de-recherche-par-vague-0.html> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
 21. Antolinos-basso D., Bono P.H., Cassor F. (2022). «Élection présidentielle française de 2022. Représenter l'incertitude dans les intentions de vote pour le 1er tour : une gageure ?»/ Sciences Po CEVIPOF [Elektronnyi resurs] // URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/resultats-et-decryptages-par-vague.html> (data obrashcheniya: 18.11.2020).
 22. Melucci A. (1996). Challenging Codes: Collective Action in the Information Age (Cambridge Cultural Social Studies). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511520891
 23. Burd'e P. O televidenii i zhurnalistike / Per. s fr. T. Anisimovoi, Yu. Markovoi; Otv. red., predisl. N. Shmatko. — M.: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2002. — 160 s. ISBN 5-7333-0041-8.
 24. Depoliticizing discourses. The role of editorials in the reproduction of consensus: assessing the media coverage of the Yellow Vest movement, 2019. (Dissertation, Malmö universitet / Kultur och samhälle). [Elektronnyi resurs] URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:mau:diva-22874> (data obrashcheniya

09.03.2021).

25. Costelloe L. Discourses of sameness: Expressions of nationalism in newspaper discourse on French urban violence in 2005 // *Discourse & Society*, № 25(3). P. 315–340.
26. Harsin J. (2015). Cultural Racist Frames in TF1's French Banlieue Riots Coverage. *French Politics, Culture & Society*, 33(3), 47-73. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.jstor.org/stable/26378243> (data obrashcheniya 09.03.2021).

Ideology in Social Space: Characteristics of the Structure of the Ideological Field Based on the Social Theory of Pierre Bourdieu

Poluboyarinov Andrei Romanovich

Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Moscow, miklukho-Maklaya str., 10k2, office 606

✉ poluboyarinovandrey@yandex.ru

Abstract. The article considers ideology as a certain kind of social field in a social space, and also presents an analysis of the contribution of Pierre Bourdieu's theory to the study of ideology. Based on the works of Pierre Bourdieu, concepts such as the ideological field and ideological capital are introduced. The ideological field is a system of objective social relations that ensure the production and reproduction of ideologies and their structures. In the article, the author establishes specific patterns of functioning of the ideological field and ideological capital. The main goals of ideological production are to increase and increment profitability, influence and power, as well as "surplus value". According to Pierre Bourdieu's theory, differences in social space and social fields are produced due to a certain distribution and uneven ratio capital. The ideological field, as well as other social fields, is a place of competition and struggle of multidirectional antagonistic social forces. The ideological space consists of "nodal points" and "floating signifiers", which are attached to "nodal points" depending on the "surplus value" allocated by them. The main incentive for the development of ideological capital, as well as economic capital and other forms of capital, is the desire for self-reproduction, self-growth and accumulation. Ideological capital is a set of self-reproducing and self-growing ideas and beliefs that claim to dominate society. So, the application and development of Pierre Bourdieu's social theory in relation to ideology opens up the possibility of analyzing the real social practices of agents and institutions, their strategies and interests.

Keywords: capital, ideological field, ideology, social field, social theory, social space, social philosophy, ideological capital, philosophy, Pierre Bourdieu

References (transliterated)

1. Konnel R. «Severnaya teoriya»: politicheskaya geografiya obshchei sotsial'noi teorii / R. Konnel // *Teoriya i obshchestvo*: T.35, № 2, 2000, s. 291-296.
2. Burd'e P. Sotsial'nye prostranstva: polya i praktiki. – SPb.: Aleteiya, 2017, s. 576.
3. Desan M.Kh. Burd'e, Marks i kapital: kritika rasshirennoi modeli / M.Kh. Desan // *Sotsiologicheskaya teoriya: elektronnyi zhurnal*, T.31, № 4, s. 318-342. URL: <http://www.jstor.org/stable/43187343> (data obrashcheniya 17.03.2023).
4. Kalkhun K. Gabitus, pole i kapital: vopros istoricheskoi spetsifikatsii / K. Kalkhun //

- Burd'e: kriticheskii analiz: Chikago, Izdatel'stvo universiteta Chikago, 1993, s. 61-89.
5. Lebaron F. Ekonomicheskie modeli protiv ekonomizma / F. Lebaron // Teoriya i obshchestvo: T. 32, s. 551-565. URL: <http://www.jstor.org/stable/3649651> (data obrashcheniya 17.03.2023).
 6. Burd'e P. Sotsiologiya pod voprosom / P. Burd'e // Sotsial'nye nauki v poststrukturalistskii perspektive. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii instituta sotsiologii RAN. – M.: Praxis; Institut eksperimental'noi sotsiologii, 2005, s. 142.
 7. Burd'e P. Formy kapitala / P. Burd'e // Ekonomicheskaya sotsiologiya: elektronnyi zhurnal, T.3, № 5, 2002, s. 72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (data obrashcheniya 22.11.2022).
 8. Zhizhek S. Vozvyshennyi ob'ekt ideologii. – M.: Khudozhestvennyi zhurnal, 1999, s. 236.
 9. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. – SPb.: Alteiya, 2017, s. 288.
 10. Levi-Stross Klod. Mifologiki. V 4-kh tt. Tom 1. Syroe i prigotovlennoe. M.: Universitetskaya kniga, 1999, s. 406.

Professional orientation of young people as a factor of effective development of the labor market

Popandopulo Olga

PhD in Philosophy

docent, Volgograd State University

400062, Russia, Volgograd region, Volgograd, Marshal Voronov str., 24, sq. 367

 olga_popandopulo@list.ru

Abstract. Professional orientation of young people, carried out by specialists of the state employment service, is one of the main tools for regulating the employment market. In domestic and foreign practice, there are many works devoted to the study of the peculiarities of the formation of the professional identity of young people and the impact of professional orientation on the labor market and society as a whole. However, one can observe the problem of the lack of a comprehensive socio-philosophical analysis of the effectiveness of youth vocational guidance technologies within the framework of the state employment service. In this regard, the subject of the study is the role of professional orientation of young people in the process of forming the employment market. Based on the results of the socio-philosophical analysis of the studied social phenomenon, the existing organizational and managerial problems in the process of providing public services for professional orientation were identified. Therefore, within the framework of the study, the factors contributing to the improvement of the managerial activities of specialists in the field of youth employment promotion were analyzed and identified. Thus, the results obtained can be applied by specialized specialists of state and municipal administration in order to increase the effectiveness of professional orientation of young citizens. The implementation of the results of the research into practical activities can contribute to a more rational distribution of labor resources and solve the problem of youth employment.

Keywords: professional orientation, young people, labor market, youth policy, identity, professional self-determination, professional self-awareness, human capital, labor potential,

References (transliterated)

1. O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2020 g. № 489-FZ // Dostup iz EPS «Garant». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (data obrashcheniya: 05.12.2021).
2. Sitnikova, A. O. Bezrobotitsa molodezhi kak sotsial'naya problema sovremennosti i puti ee resheniya / A. O. Sitnikova. – Tekst : neposredstvennyi // Professional'naya orientatsiya. – 2018. – № 2. – S. 124-128.
3. Issledovanie: molodezh' i zhenshchiny aktivnee vsego iskali rabotu vo vremya pandemii / TASS: informagentstvo. [M.], 2020. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/9141959> (data obrashcheniya: 05.01.2021).
4. Karpov, A. L. Molodezh' na rynke truda: interesy, otraslevoe raspredelenie, konkurentosposobnost' / A. L. Karpov, K. N. Mikutskaya. – Tekst : neposredstvennyi // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. – 2007. – № 1. – S. 271-274.
5. Popandopulo, O. A. Formirovanie professional'noi identichnosti v protsesse effektivnogo vzaimodeistviya institutov grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva / O. A. Popandopulo, E. G. Shaforostov. – DOI: 10.25136/2409-7144.2020.9.34007. – Tekst : elektronnyi // Sotsiodinamika. – 2020. – № 9. – S. 12-17. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34007 (data obrashcheniya: 17.10.2021).
6. Razumova, M. V. K voprosu o traktovke ponyatiya «proforientatsiya» / M. V. Razumova. – Tekst : elektronnyi. – Professional'noe obrazovanie i obshchestvo. – 2014. – № 1 (9). – S. 51-59. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21358886> (data obrashcheniya: 26.10.2021). – Rezhim dostupa: Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
7. Miloslavskii, V. G. Teoriya i praktika proforientatsii v Rossii: problemy i perspektivy / V. G. Miloslavskii, N. Kh. Alieva, S. M. Solov'ev [i dr.]. – Tekst : elektronnyi // Molodoi uchenyi. – 2016. – № 7 (111). – S. 905-911. – URL: <https://moluch.ru/archive/111/27219/> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
8. Kudrinskaia, I. V. The problem of career guidance of the youth in domestic pedagogical theory and practice / I. V. Kudrinskaia, A. V. Kidinov, E. P. Kabkova [et al.]. – Text : electronic // Eurasian Journal of Biosciences, 2020. – Vol. 14, № 2. – P. 3815-3821. – URL: <http://www.ejobios.org/download/the-problem-of-career-guidance-of-the-youth-in-domestic-pedagogical-theory-and-practice-8012.pdf> (data obrashcheniya: 04.12.2021).
9. Nikulina, Yu. N. Professional'naya orientatsiya molodezhi v sisteme kadrovogo obespecheniya ekonomiki regiona / Yu. N. Nikulina. – Tekst : elektronnyi // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. – 2020. – Tom 10. – № 4. – S. 1263-1280. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42900294> (data obrashcheniya: 03.12.2021). – Rezhim dostupa: Nauchnaya elektronnyaya biblioteka eLIBRARY.RU.
10. Chistyakova, S. N. Effektivnost' professional'noi orientatsii obuchayushchikhsya – vazhneishaya sostavlyayushchaya sistemy gosudarstvennoi kadrovoy politiki / S. N. Chistyakova. – Tekst : elektronnyi // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. – 2017. – № 1 (25). – S. 24-29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-professionalnoy-orientatsii-obuchayushchikhsya-vazhneyshaya-sostavlyayushchaya-sistemy-gosudarstvennoy->

kadrovoy (data obrashcheniya: 01.12.2021).

Institutional transformation of society in the light of the sociosynergetic paradigm

Gromakova Viktoriya Georgievna

PhD in Biology

Gromakova Viktoriya Georgievna - Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes, Southern Federal University

346770, Russia, Rostov region, Kagalnik village, Rossiyskaya str., 27

✉ victoriagromakova@yandex.ru

Abstract. The object of theoretical research presented in this article is society as an open non-equilibrium system capable of self-organization. The subject of the study are the factors and driving forces of the institutional transformation of the societal system. The relevance of the study is justified by the prolonged transformational period in the life of Russian society, as well as the increasingly widespread socio-structural crisis phenomena in the world. The scientific problem is determined based on such well-known facts as the low predictability and manageability of the processes of institutional transformation, on the one hand, and the need to reduce the risks associated with them, on the other. Accordingly, the question is raised about the mechanism of institutional transformation, which is proposed to be considered using the principles and provisions of sociosynergetics as a methodological basis. The main element of novelty in this article is the synthesis of neoinstitutional theory with the provisions of sociosynergetics. The study analyzes the process of institutional transformation from the standpoint of the sociosynergetic concept using such categories as energy dissipation, entropy, stationary and nonequilibrium state in their social expression. The characteristics of the evolutionary and crisis stages in the development of the institutional system are given. Attention is focused on the risks of the transformation period and the relationship of its results with the previous period of stability. As a result of the conducted research, the author formulates the following conclusions: 1) Subjects of social relations act in accordance with the principle of minimum energy dissipation, as a result of which the foundations of any new order are laid in fluctuations of the previous structure. 2) The course of the crisis (transformational) process is adversely affected by both excessive control actions aimed at preserving the previous order, and premature and ill-conceived reforms. 3) The prolonged transformation threatens the complete degradation of the societal system due to the depletion of resources needed to reduce entropy.

Keywords: stationary state, entropy, energy dissipation, sociosynergetics, institutional changes, social transit, social transformation, social institute, nonlinear dynamics, cumulative

References (transliterated)

1. Zaslavskaya T.I. Sotsietal'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestvo: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya. M.: Delo, 2002. 568 s.
2. Zaslavskaya T.I. Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: Sotsial'nyi mekhanizm transformatsii. M.: Delo, 2004. 398 s.
3. Zaslavskaya T.I. Transformatsionnyi protsess v Rossii: sotsiostrukturnyi aspekt // Sotsial'naya traektoriya reformiruemoi Rossii: Issledovaniya Novosibirskoi ekonomiko-sotsiologicheskoi shkoly. Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatie RAN, 1999. C. 149-168.

4. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii (sotsiologicheskii analiz). M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2000. 384 s.
5. Kokorin V.V. Sotsial'nye transformatsii: postanovka problemy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2019. № 4. S. 74 – 82.
6. Berezovaya A.Yu. Sotsial'nye Transformatsii Rossii v kontekste familizma // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2017. Tom 17. № 1. S. 75 – 79.
7. Roldugina O.Yu. Sotsial'naya transformatsiya i zadachi sotsial'nogo upravleniya v sovremennuyu epokhu // Vestnik Universiteta. 2013. № 10. S. 159 – 162.
8. Maksimova S.I. Osobennosti sotsial'nykh transformatsii v slozhnykh sistemakh // «Colloquium-journal». 2019. №1(25). S. 47 – 49.
9. Popov V.V., Maksimova S. I., Lichman I.D. Al'ternativnost', temporal'nost' i sotsial'nye transformatsii // Fundamental'nye aspekty psikhicheskogo zdorov'ya. 2018. № 1. S. 89 – 91.
10. Milovzorova M. N. Transformatsii sotsial'nykh sistem: ekoratsional'nyi podkhod // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2021. № 1(81). S. 13 – 17.
11. Lokosov V.V. Transformatsiya sotsial'naya // Sotsiologicheskii slovar'. M, 2014. S. 535 – 536.
12. Golova A. Sotsial'no-ekonomicheskie mekhanizmy razrusheniya traditsionnykh semeinykh otnoshenii // Obshchestvo i ekonomika. 2013. № 9. S. 178 – 186.
13. Khaken G. Sinergetika / Per. s angl. V. I. Emel'yanova. M: Mir, 1980. 405 s.
14. North D. C. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development. 1989. vol.17. No. 9. Pp. 1319–1332.
15. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M.: Fond ekon. knigi «Nachala», 1997. 180 s.
16. Gromakova V.G. Institutsional'naya transformatsiya v Rossii: sostoyanie, sotsial'nyi mekhanizm, perspektivy // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya, 2021. №2. S. 42-49.
17. Arthur W.B. Increasing returns and path dependence in the economy. Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1994. 201 p.
18. Nikolis G., Prigozhin I. Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsii. M.: Mir, 1979. 512 s.
19. Parsons T. The Social System. London: Free Press of Glencoe, 1951. 596 p.
20. Alekseev G. N. Energiya i entropiya. M.: Znanie, 1978. 192 s.
21. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoj / Per. s angl. V. I. Arshinova. M.: Progress, 1986. 432 s.
22. Varela F., Maturana H. R., Uribe R. B. Autopoiesis: The organization of living system, its characterization and a model // Biosystems. 1974. No. 5. Pp. 187-196.
23. Luman N. Ponyatie obshchestva // Problemy teoreticheskoi sotsiologii. SPb.: Petropolis, 1994. C. 25-42.
24. Arnol'd V.I. Teoriya katastrof. M.: Nauka, 1990. 128 s.
25. Shakirova E.Yu., Kokorin V.V. Revolyutsiya: sotsial'naya transformatsiya na osnove samoorganizatsii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2017. № 10. C. 191 – 196.
26. Popov V.V., Shcheglov B.S., Granovskaya M.V. Spetsifika kontsepta "interval" v issledovanii sotsial'nykh protsessov // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2-4. C. 872-875.

27. Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition // *Economics of Transition and Institutional Change*. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 99–137.
28. Moiseev N.N. *Algoritmy razvitiya*. M.: Nauka, 1987. 304 s.
29. Gromakova V.G., Osyak A.N., Sapunova T.G. Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh institutsional'noi transformatsii // *Filosofiya prava*. 2019. № 3 (90). С. 161 – 168.
30. Savchenko A.E. SSSR 1985 — 1991 gg.: istoriya sluchainoi samolikvidatsii vlasti? // *Rossiya i ATR*. 2016. № 3. С. 66 – 81.
31. Derlug'yan G.M. Prichiny raspada SSSR: kommunisticheskii rezhim, sverkhderzhavnoe bremya, natsionalizm respublik ili sluchainost'? // *Rossiya i ATR*. 2016. № 3. С. 8 – 22.
32. Abdulloev I. Iz istorii raspada SSSR // *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki*. 2013 № 3 (36). С. 103 – 115.
33. Tsitkilov P.Ya. Politicheskii krizis v Ukraine kontsa 2013-2014 gg.: istoki i predvaritel'nye uroki // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. № 4, 2014 g. С. 17 – 35.
34. Lavrova T.A. Retrospektivnyi analiz pokupatel'noi sposobnosti osnovnykh grupp naseleniya v Rossiiskoi Federatsii // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2019. № 5-1 (119). С. 145 – 150.
35. *Naselenie Rossii za 100 let (1897-1997): Statisticheskii sbornik*. M: Goskomstat Rossii, 1998. 222 s.
36. Po dannym TASS // *Kak menyalas' srednyaya prodolzhitel'nost' zhizni v RSFSR i Rossii*. 16.10.2019 URL: <http://tass.ru/info/7006937>
37. Ol'kova, O. A. Trendy prestupnosti v Rossii i Ukraine za period s 1980 do 2014 goda // *Vestnik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta "Yurist"*, Kazan', 12 noyabrya 2015 goda. Kazan': Chastnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Akademiya sotsial'nogo obrazovaniya", 2015. С. 193 – 202.
38. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905-2016 // *WID. world working paper series*. 2017. 09. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>
39. Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. 2 ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. 574 s.
40. Tul'chinskii G.L. *Filosofiya istorii i narrativy istoricheskoi pamyati* // *Filosofskii zhurnal*. 2019. T. 12. № 1. С. 117–129.
41. Polterovich V. M. Institutional Traps: How to Get Out? // *Economic Transformation and Evolutionary Theory of J. Shumpeter. The 5-th International Symposium on Evolutionary Economics*. Puschino, 2003. Pp. 130-143.
42. Vikhryan A.P., Fedorov M.V. Antikorrupsionnoe prosveshchenie kak faktor obespecheniya sotsial'noi bezopasnosti // *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2020. T. 20. № 4. С. 967–976.
43. Nomokonov V. A. Corruption System against Russia // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. 13(10). Pp. 1638–1643.
44. Fedotova M.G. K sodержaniyu ponyatiya «tranzitivnoe obshchestvo» // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1(4). С. 28-31.
45. Khaidegger M. *Vremya i bytie* / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Respublika, 1993. 447 s.
46. Kharin Yu.A. Sovremennyi tsivishenizm: realii i perspektivy cheloveka kak sotsioantropnoi total'nosti // *Sub'ektivnye prityazaniya i ob'ektivnaya logika v razvitii*

obshchestva perekhodnogo tipa / pod red. Ch. S. Kirvelya. Grodno, 1998. С. 150 – 152.

47. Kirdina S.G. Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 467 s.
48. Malinetskii G.G., Potapov A.B. Dzhokery, rusla ili poiski tret'ei paradigmy // Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podkhodov. M.: Progress-Traditsiya, 2000. С. 138-154.
49. Byzov L.G. Dinamika ideino-politicheskikh predpochtenii za 25 let. Tri etapa transformatsii obshchestvennogo soznaniya // Rossiya KhKhI. 2019. № 1. С.6-29.
50. Yudina T.N., Mazaev Yu.N., Babakaev S.V. Dinamika politiko-ideologicheskikh orientatsii naseleniya Rossii v postsovetskii period // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2020. T. 20. № 3. S. 582—594.
51. Strakhov A.P. Faktory uspekha antikorrupsionnoi politiki v postsotsialisticheskikh stranakh // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2021. № 5. S. 242—264.